

С.Н. Гончаров

Восточно-Китайский педагогический университет, г. Шанхай

**«Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным»:
история одного интервью через призму одной жизни**

*Светлой памяти
Константина Васильевича Шевелёва
посвящается*

В начале февраля 2013 года мне позвонил Хуа Ди – старинный китайский друг, замечательный человек с яркой и тяжёлой судьбой. В сильном возбуждении он сообщил, что в первом номере уважаемого среди китайской интеллигенции исторического журнала *Янь-Хуан чунь-цю* 炎黄春秋 (что можно перевести как «Весны и осени» (название древней исторической хроники и обозначение летописи вообще) (потомков) императоров Янь-ди и Хуан-ди (имена прародителей китайской нации))), который славится публикацией острых статей на деликатные темы, был опубликован необычный комментарий к моему интервью с И.В. Ковалёвым, обнародованному более 20 лет назад ([2]; то же: [3, с. 283–309]).

На следующий день мы встретились с Хуа Ди в центре Пекина, и он передал статью. Материал и вправду оказался совершенно необычным. Его содержание вдруг заставило осознать, что и появление на свет этого интервью, и его дальнейшая самостоятельная история определялись цепью, казалось бы, абсолютно не связанных друг с другом совпадений и «развилочек» в моей собственной жизни.

Для того, чтобы проследить эту историю начиная с истоков, придётся вернуться более, чем на 40 лет назад – в 1969 год. При этом, конечно же, буду упоминать только о тех событиях и тех людях, которые имели прямое отношение к предыстории и истории этого интервью.

© Гончаров С.Н., 2013

На 1969 год, как известно, пришёлся пик противостояния между Советским Союзом и Китаем, кровавыми проявлениями которого стали вооружённые столкновения на границе. Наиболее крупные из них произошли в районе о. Даманский на Восточной части советско-китайской границы (март 1969 года) и в районе Жаланашколя (август) на её Западной части. Две огромные страны подошли к грани, за которой маячили полномасштабные боевые действия, чреватые несметными человеческими жертвами и разрушениями.

11 сентября 1969 г. в Пекинском аэропорту в течение более трёх часов проходили переговоры между Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным и Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. Главы правительств, конечно же, не способны были разрешить все острейшие противоречия между двумя государствами, которые накапливались с конца 50-х годов. Тем не менее, они смогли донести друг до друга нежелание каждой из сторон развязывать полномасштабную войну, стремиться к понижению градуса конфронтации, к возобновлению прерванных в 1964 г. переговоров по урегулированию пограничных проблем (это произошло в конце октября 1969 г.). В китайском языке существует выражение, весьма точно определяющее подобную ситуацию – «остановить коня на краю пропасти» (悬崖勒马). Теперь можно констатировать, что А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем фактически было положено начало длительному, мучительному и противоречивому, но, в конечном счёте, позитивному и жизненно необходимому процессу изживания враждебности и нормализации отношений между двумя государствами, который завершился лишь спустя 30 лет после переговоров глав правительств в Пекинском аэропорту – во время визита М.С. Горбачёва в столицу КНР в мае 1989 г. В этом – одна из главных исторических заслуг двух выдающихся деятелей – А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая – перед их народами¹.

Мне в это время было 14 лет. Хорошо помню, как затаив дыхание вместе с друзьями смотрел в доме культуры «Академия» в новосибирском Академгородке сюжет о переговорах между А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем в «Новостях дня» перед каким-то кинофильмом. Страх перед войной с Китаем был тогда явлением вполне реальным и повсеместным – уже в 1967–1968 гг. в Новосибирск и в Академгородок переезжали многие семьи, жившие в районах, близких к советско-китайской границе. Эти кинокадры позволили вздохнуть с облегчением жителям Сибири и Дальнего Востока². Каково же было мое недоумение, когда недавно прочёл, что Л.И. Брежнев, оказывается, был весьма недоволен показом по телевидению сюжета о переговорах двух премьеров и высказал это А.Н. Косыгину³. Возможно, Генсек полагал «несвоевременным» пропагандировать разрядку в отношениях с

Китаем, а возможно, просто испытывал банальное чувство ревности в отношении очередного серьёзного внешнеполитического результата, достигнутого премьером⁴.

В то время я и не подозревал, что события, непосредственно предшествовавшие переговорам между А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем окажут самое серьёзное влияние на мою судьбу. Дело в том, что, в силу понятных причин, в течение 1969 г. отношения с Китаем особенно сильно занимали Председателя Совета Министров СССР. Как известно, ещё 21 марта 1969 г., вскоре после «второго раунда» столкновений в районе о. Даманский, А.Н. Косыгин безуспешно пытался переговорить с Чжоу Эньлаем по телефону для того, чтобы пресечь эскалацию напряжённости. 26 июля 1969 г. Совет Министров СССР в закрытом порядке обратился к Госсовету КНР с предложением о проведении встречи на высоком уровне для разрешения имеющихся проблем. Похоже, Алексей Николаевич в этот период постоянно думал о китайских делах.

30 июня 1969 г., почти за два с половиной месяца до пекинских переговоров, А.Н. Косыгин посетил с рабочим визитом Новосибирск и Академгородок. Сохранилось две фотографии на которых запечатлена его оживлённая беседа с выдающимся археологом, академиком, директором Института истории, археологии и этнографии СО АН СССР А.П. Окладниковым⁵. Алексей Павлович впоследствии рассказывал, что премьер упрекнул отечественных и сибирских учёных в том, что мы очень плохо знаем историю формирования границы с Китаем, недостаточно изучаем источники (в том числе на китайском языке) связанные с этой проблемой.

Одним из практических результатов разговора А.П. Окладникова с Председателем Совета Министров стало решение об организации на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета группы с углублённым изучением древнего китайского письменного языка *вэнь-янь* (文言). Планировалось, что впоследствии выпускники группы будут работать в секторе истории и археологии стран Дальнего Востока, которым руководил член-корреспондент АН СССР В.Е. Ларичев, и будут заниматься изучением китайских работ по археологии сопредельных с Россией территорий, а также источников по истории чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234 гг.) Историческая родина чжурчжэней находилась на территории, традиционно именуемой в России Маньчжурией (китайские провинции Хэйлуцзян, Ляонин и Цзилинь, Северо-Восток Китая, чжурчжэни – прямые предки маньчжуров, захвативших Китай в 1644 г.), поселения чжурчжэней были обнаружены в ходе раскопок на территории Хабаровского и Приморского краёв.

А.П. Окладников был дружен с моими родителями, которые работали в то время в НИИ патологии кровообращения АМН СССР, также находившемся в Академгородке. Алексею Павловичу, обладавшему огромной эрудицией и талантом рассказчика, не стоило большого труда склонить меня к попытке поступить в группу с изучением китайского языка, благо первый набор в неё должен был пройти летом 1972 г., когда я заканчивал среднюю школу. При этом я отказался от поступления в МГИМО, хотя уже получил тогда необходимую для этого рекомендацию из Новосибирского обкома комсомола. Так случилась первая «развилка» на жизненном пути, приведшая меня к изучению китайского языка.

Дома у нас лежала пачка цветных открыток с фотографиями сокровищ из пекинского музея Гугун с подписями на китайском языке. Просмотрев их, я пришёл в полный ужас. Цель обучиться понимать эти сложные знаки показалась совершенно недостижимой.

Тогда я, конечно же, и помыслить не мог о том, что через 25 лет мы с В.Н. Усовым опубликуем сделанную И.С. Елизаветиным (в сентябре 1969 г. являлся временным поверенным в делах СССР в КНР) подробную запись содержания переговоров между А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем в Пекинском аэропорту.

Во время учёбы в Новосибирском университете у нас было много замечательных преподавателей. В этой статье хотел бы выделить А.Г. Малявкина (вёл старый письменный язык) и Т.И. Кашину (преподавала разговорный китайский). Оба они были «харбинцами» – русскими эмигрантами, возвратившимися в СССР в середине 50-х годов. Оба (особенно Т.И. Кашина) много и интересно рассказывали о жизни российской диаспоры в Харбине и Маньчжурии сначала во времена японской оккупации, после капитуляции японцев и наконец после установления там власти Компартии Китая. Позднее я стал осознавать, что верховным правителем в этот последний период там был Гао Ган, а главным советским советником и фактическим представителем И.В. Сталина – И.В. Ковалёв, выдающийся специалист в сфере железнодорожного транспорта, министр путей сообщения СССР во время Отечественной войны.

На самом деле во всей этой «маньчжурской связке» был ещё более поразительный элемент. Дело в том, что мой прадед, Елисей Пидоренко, являлся командиром казачьего подразделения, охранявшего участок Китайско-Восточной железной дороги в районе неподалёку от Харбина. Вскоре после Октябрьской революции он с семьёй, включая мою бабушку по матери, Клавдию Елисеевну, переехал в Крым. Там его расстреляли какие-то «зелёные» бандиты. В детстве бабушка пела мне колыбельные песни на китайском языке, которым китайская няня её научила в Маньчжурии.

В конце 1973 – начале 1974 г. я прошёл ещё одну важную «развилку» – руководство гуманитарного факультета ЛГУ, следуя рекомендациям наших преподавателей языка, пришло к выводу о том, что для дальнейшего совершенствования в древнем китайском языке трёх студентов нашей группы необходимо перевести на восточный факультет Ленинградского государственного университета. Ключевую роль в принятии такого решения, а главное – в его практическом воплощении в жизнь – сыграл декан факультета И.А. Молеготов. Иван Афанасьевич лично договорился с руководством ЛГУ обо всех деталях такого необычного варианта. То, что подобное явилось возможным, с моей точки зрения, очень многое говорит о государственном подходе к высшему образованию, существовавшему в советские времена, об уровне людей, руководивших тогда высшей школой. В Ленинград были переведены автор данной статьи, В.В. Евсюков и С.Т. Кожанов⁶.

В ЛГУ мы продолжили учёбу на кафедре истории стран Дальнего Востока восточного факультета. В соответствии с действовавшей там учебной программой, на втором курсе мы должны были написать курсовые работы по истории КНР. Мне досталась тема, связанная со становлением китайской концепции «соединения марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Профессор Л.А. Березный попросил К.В. Шевелёва помочь мне в том, чтобы разобраться в этом сюжете.

К.В. Шевелёв был выпускником кафедры истории стран Дальнего Востока, закончил аспирантуру в Москве и к этому времени, как я понимаю, уже поступил на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР. Он был совершенно блестящим специалистом по истории коммунистического движения в Китае, китайской революции и КНР. Из общения с ним я впервые понял, что не только древняя и средневековая, но и современная история может быть увлекательной. Весной 1974 г. К.В. Шевелёв познакомил меня с А.И. Денисовым, который учился вместе с ним в аспирантуре (по-моему, в те времена они даже жили в одной комнате в общежитии). Насколько я помню, встреча наша произошла на Дворцовой площади.

Моим научным руководителем в ЛГУ был профессор Г.Я. Смолин – великолепный специалист по средневековой китайской истории, невероятно тактичный, доброжелательный и неимоверно терпеливый и добрый человек. Теперь я понимаю, сколько трудов ему стоило научить меня создавать более или менее логичные тексты из хаотичных «потоков сознания», которые я ему первоначально преподносил.

Г.Я. Смолин познакомил меня с выдающимся специалистом по древней китайской философии Л.С. Переломовым. Леонард Сергеевич

в это время работал в Институте Дальнего Востока АН СССР заведующим отделом, который занимался изучением влияния исторических традиций на современную китайскую политику. Меня эта тема сильно увлекла. В конце концов я после завершения аспирантуры ЛГУ поступил на работу в ИДВ, правда, не в отдел Л.С. Переломова, а в сектор, которым руководила Т.М. Котова и который занимался политикой КНР в отношении зарубежных китайцев (см.: [4; 3, с. 239–245]).

В 1985 г. решением директора института М.Л. Титаренко я был назначен зав. сектором изучения и прогнозирования советско-китайских отношений. В это время меня стала всё больше занимать история отношений между СССР и КНР. Выяснилось, что здесь существует немало «белых пятен», а также целые мощные слои, мягко говоря, неадекватных версий важнейших событий, интерпретация которых была мотивирована острой идеологической полемикой между КПСС и КПК. Я стал пытаться, используя доступный в то время крайне ограниченный фактический материал, выстроить более или менее объективную картину происходившего. Этому, в частности, была посвящена моя газетная статья, в которой давался обзор истории двусторонних отношений. Уже тогда стало понятным, сколь важную роль сыграли в развитии связей между двумя государствами переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном, которые прошли в Москве в декабре 1949 – январе 1950 г., а также предшествовавшие им секретные визиты в Китай А.И. Микояна в начале 1948 г. и Лю Шаоци в середине 1949 г. В конце 80-х о содержании этих бесед лидеров двух стран и реальных результатах встреч в верхах практически ничего не было известно.

Одним из сотрудников сектора, которым мне пришлось тогда руководить был А.М. Ледовский – опытнейший дипломат, который в конце 40-х – начале 50-х гг. являлся генеральным консулом СССР в Шэньяне. Он прекрасно разбирался в тогдашней обстановке в Северо-Восточном Китае, самым плотным образом работал с высшим региональным руководителем Гао Ганом и с И.В. Ковалёвым как представителем высшего советского руководства. В 1990 г. под грифом «для служебного пользования» вышла его монография, в которой впервые на русском языке подробно рассказывалось о деятельности Гао Гана в Маньчжурии, о его роли в советско-китайских отношениях, о подоплёке так называемого «дела Гао Гана» и его безвременной гибели [7]. Рассказы Андрея Мефодиевича, которые, естественно, были куда более подробными и красочными, чем он тогда мог позволить себе даже в закрытой книге, буквально открыли мне глаза на многие скрытые от «широкой общественности» страницы советско-китайских отношений.

В конце 80-х гг. М.Л. Титаренко договорился с известным американским китаеведом Дж.В. Льюисом о программе обменов, в

соответствии с которой молодых учёных из ИДВ направляли на стажировки в Центр международной безопасности и контроля над вооружениями Стэнфордского университета (Калифорния, США). Я был направлен на такую стажировку в феврале 1990 г. и проходил её до октября. За это время нужно было написать какую-то работу, посвящённую китайской проблематике. Строго определённой темы у меня не было, а писать работу на темы, связанные с безопасностью в Азии, не особенно хотелось. Пока я пребывал в поисках возможной темы, в очередной раз зашел в прекрасную библиотеку Гуверовского центра войны, мира и революции, в которой разрешался доступ к стеллажам с книгами. Там я набрёл на аккуратно переплетённую ксерокопию первого тома «Собрания документов Мао Цзэдуна со времён основания государства», который был издан в КНР в 1987 году [24]. В настоящее время во многих специализированных магазинах Пекина без проблем можно приобрести все 13 томов этого издания, однако в 1990 г. оно было совершенно закрытым, недоступным не только для зарубежных, но и для большинства китайских исследователей. Считаю, что мне просто колоссально повезло случайно натолкнуться в библиотеке на этот ксерокс, который непостижимым образом там оказался.

Больше всего поразили содержащиеся в книге многочисленные подписанные Мао Цзэдуном зашифрованные телеграммы, которые проливали свет на совершенно до этого неизвестные страницы его переговоров со Сталиным, на процесс принятия в Китае решений, которые привели к началу «войны сопротивления Америке и помощи Кореи» осенью 1950 г., на многие другие до того совершенно неизвестные страницы ранней истории внутренней и внешней политики КНР. Когда я показал этот том Дж.В. Льюису и его ассистенту Сюэ Литаю, прекрасно ориентирующемся в китайских источниках по современной истории КНР, мы единодушно решили совместно написать книгу, в основном посвящённую событиям 1948–1950 гг., связанным с отношениями между СССР и КНР, началом Корейской войны.

Именно в то время в Стэнфорде я познакомился с Хуа Ди. В 50-е гг. прошлого века он учился в МВТУ. Вместе с группой китайских студентов и стажёров участвовал в знаменитой встрече китайской молодёжи с Мао Цзэдуном, которая состоялась в актовом зале МГУ в ноябре 1958 г. По возвращении в КНР он стал одним из ведущих китайских специалистов-ракетчиков. Непосредственно перед прибытием в Стэнфорд Хуа Ди возглавлял Исследовательский институт корпорации СИТИС (China International Trust and Investment Corporation), который в конце 80-х гг. XX в. справедливо считался центром, где разрабатывались наиболее далеко идущие и даже радикальные

идеи относительно дальнейшего развития экономических, социальных и политических реформ в КНР. Накануне событий 4 июня 1989 г., связанных с разгоном студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь, Хуа Ди совершил поездку в Советский Союз, в частности, для того, чтобы посетить свой родной ВУЗ. Обрато он возвращался в Китай через Гонконг. Накануне вылета оттуда в Пекин один из высокопоставленных родственников предупредил его, что он рискует быть арестованным за участие в обсуждении слишком радикальных концепций политической реформы в Китае, которые были расценены как «политический горячий материал», способствовавший вспыхиванию студенческих волнений. В результате Хуа Ди в последний момент сменил маршрут и оказался в Стэнфорде⁷.

Вместе с Дж. Льюисом и Сюэ Литаем мы интенсивно занимались работой над вышеупомянутой книгой о Корейской войне вплоть до окончания моей стажировки в Стэнфорде в октябре 1990 г. При активной поддержке соавторов и коллег, я ознакомился с основными китайскими и англоязычными статьями и книгами, посвященными истории советско-китайских отношений в конце 40-х – начале 50-х гг., появившихся к этому времени, постепенно стал ориентироваться в материале. После возвращения в Москву появилась база для серьёзного обсуждения существующих вопросов с коллегами из ИДВ и других исследовательских центров. Очень серьёзные дискуссии были у меня с К.В. Шевелёвым. В ходе одной из них он сообщил, что знаком с И.В. Ковалёвым, министром путей сообщения СССР во время Отечественной войны, личным представителем Политбюро ЦК ВКП(б) и И.В. Сталина в Китае в 1948–1950 гг. К.В. Шевелёв отметил, что И.В. Ковалёв обладает уникальной информацией о контактах между Сталиным и Мао Цзэдуном по самым деликатным вопросам, что в его личном архиве хранятся уникальные документы и что им с помощью журналистов из железнодорожной газеты «Гудок» подготовлена рукопись воспоминаний, которые в силу каких-то причин до сих пор не опубликованы. Константин Васильевич выразил готовность связаться с И.В. Ковалёвым по телефону и представить меня специалистом, заинтересованным в том, чтобы опубликовать неизвестные факты из истории отношений между Советским Союзом и Китаем, как они представляются бывшему представителю И.В. Сталина в этой стране. При этом он предупредил, что, конечно же, не гарантирует, что И.В. Ковалёв вообще станет со мной общаться.

Вскоре К.В. Шевелёв сообщил, что Иван Владимирович готов переговорить со мной по телефону. Помню, как волновался, когда впервые ему позвонил. И.В. Ковалёв, наверное, хорошо это понимал,

беседовал со мной подчеркнуто уважительно и корректно, пригласил зайти к нему в гости в высотный дом на Котельнической набережной.

В статье, опубликованной в КНР в прошлом году, говорится, что в то время, когда готовилось к печати это интервью с И.В. Ковалёвым, он, якобы, «находился на грани нищеты» и стремился произвести впечатление на интервьюера [19]. Если следовать логике данного автора, то делалось это дабы впоследствии побольше заработать на «раздувании фальшивых сенсаций».

Позволю себе выразить полное несогласие с такими суждениями. Будучи пенсионером, Иван Владимирович, конечно, не мог себе позволить излишеств и роскошеств. Тем не менее, он был, по тогдашним советским стандартам, относительно неплохо обеспечен, получая особую пенсию от Министерства обороны. Ни в коем случае нельзя говорить о том, что он находился «на грани нищеты».

И.В. Ковалёв вёл себя исключительно достойно, никогда не выпячивал свою роль. Когда он плохо помнил какие-то факты, то советовал справляться с имевшимися у него документами. А документов у него было множество. Наибольшую ценность представляли его неизданные воспоминания, а также машинописные копии шифрованной корреспонденции между ним и И.В. Сталиным, записи бесед с китайскими лидерами, а также выполненные ещё тогда переводы некоторых закрытых китайских документов. Все эти материалы в совокупности с рассказами Ивана Владимировича и составили основу интервью, опубликованного в «Проблемах Дальнего Востока».

Весной–летом 1991 г. мной был предпринят ряд попыток полностью опубликовать воспоминания Ивана Владимировича. Помню, что в этот период вёл переговоры с издательством «Терра», которое только что опубликовало «Сто бесед с Молотовым» Феликса Чуева. К сожалению, со стороны издательства особого интереса проявлено не было⁸.

В этот период я довольно активно контактировал с сотрудниками китайского посольства в Москве, рассказал им о своих контактах с И.В. Ковалёвым. Я также выразил недоумение, почему они не испытывают интереса к плотному общению с человеком, сыгравшим столь значительную роль в становлении КНР. Позднее мне стало понятным, что вопрос на самом-то деле был для китайской стороны довольно деликатным⁹. Тем не менее, накануне 90-летия И.В. Ковалёва (28 июня 1991 г.) китайское посольство (несомненно, после получения санкции из Пекина) направило на его квартиру нескольких высокопоставленных дипломатов, вручивших ему красивую вышивку на шёлке и тёплый приветственный адрес. Иван Владимирович был этим очень тронут.

Публикация интервью была встречена в Советском Союзе с позитивным интересом. Я, признаться, был очень доволен тем, что ещё при жизни Ивана Владимировича получил широкое признание его уникальный вклад в становление отношений между СССР и КНР.

В марте 1992 г. я перешёл на работу в МИД России. 17–18 ноября 1992 г. Б.Н. Ельцин побывал с визитом в Республике Корея. Выступая в Национальном собрании этой страны, он, в частности, пообещал рассекретить и передать сеульским властям советские архивные документы, посвящённые преддверию и начальному периоду Корейской войны (1950–1953 гг.). Все сведения об этих событиях были в то время полностью закрыты.

Поскольку МИДовскому руководству было известно о моём интересе к истории этого периода, меня совместно с Е.В. Лишаковым – прекрасным специалистом по Корее – назначили ответственными за отбор и рассекречивание этих документов с целью выполнения обещания, данного Б.Н. Ельциным. Мы с Е.В. Лишаковым многократно посещали бывший архив Политбюро ЦК КПСС (при Б.Н. Ельцине – Президентский архив), находившийся тогда за Кремлевской стеной прямо напротив Мавзолея Ленина. С замиранием сердца читали мы подлинные сталинские шифровки, некоторые из которых, судя по формулярам архивных дел, до нас никто не видел. В этих документах часто упоминался И.В. Ковалёв, содержались прямые и косвенные подтверждения фактам, которые были опубликованы в упомянутом интервью. Как историку мне было до боли обидно, что в силу служебной дисциплины не могу ни устно, ни письменно упомянуть о содержании этих потрясающих документов. Дольше успокаиваю себя мыслью о том, что в результате наших с Е.В. Лишаковым трудов после рассекречивания этих документов ими в полной мере воспользовались специалисты – историки из многих стран¹⁰. Так произошла очередная «развилка», снова выведшая на события, освещённые в интервью с И.В. Ковалёвым.

В июле 1993 г. мы со всей семьёй отбыли в Пекин, где до августа 1997 года я работал сначала советником, а затем старшим советником российского посольства. В это время и начались основные события, связанные с данным интервью.

Я предпочёл бы изложить их не своими словами, а пользуясь рукописью заметок госпожи Ли Хайвэнь, которую она передала мне во время встречи в Пекине в феврале 2013 г. Прежде, чем привести здесь перевод данной рукописи, хотел бы сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, госпожа Ли Хайвэнь является выдающимся специалистом, долгое время проработавшим в архивно-исторических подраз-

делениях ЦК КПК, и имеет доступ к закрытым документам самого высокого уровня.

Во-вторых, в течение многих лет она работала с Ши Чжэ (1905–1988), который в конце 40-х – начале 50-х гг. был переводчиком практически на всех переговорах между высшими руководителями Советского Союза и КНР. Ши Чжэ плотно работал с И.В. Ковалёвым и являлся, пожалуй, единственным живым участником событий, который мог подтвердить или опровергнуть достоверность информации, сообщённой советским представителем.

И, наконец, в-третьих, в интервью с И.В. Ковалёвым содержалось много ярких новых фактов, но внимание китайских специалистов прежде всего привлекли два момента:

1. Сообщение о том, что в июне 1949 г. в период секретного визита в Москву Лю Шаоци (1898–1969), являвшегося тогда вторым после Мао Цзэдуна руководителем КНР, во время переговоров с В.И. Сталиным высший руководитель китайского Северо-Востока Гао Ган инициативно внёс предложение о том, чтобы курируемые им три провинции (Хэйлуунцзян, Ляонин и Цзилинь, т.е. Маньчжурия) вошли в состав Советского Союза на правах 17-й союзной республики (тогда в СССР насчитывалось 16 союзных республик, включая впоследствии упразднённую Карело-Финскую).

2. Информация о том, что также во время переговоров с И.В. Сталиным, Лю Шаоци официально снял ранее выдвинутую Мао Цзэдуном просьбу о том, чтобы СССР оказал военно-морскими и военно-воздушными силами помощь КНР в разгроме войск Чан Кайши на Тайване.

Далее приведу перевод первой части рукописи Ли Хайвэнь, сопровождая его необходимыми комментариями в сносках:

«Книга „Рядом с великанами истории – воспоминания Ши Чжэ“ (см. [22]. – С.Г.) оказалась крупным успехом. Одно время разговоры о „Великанах“, тень от „Великанов“ и произведения, имевшие в заголовках парафразы названия „Великанов“, появлялись непрерывно. Однако же я должна сказать, что воспоминания нужно использовать осторожно. Например, согласно воспоминаниям Ши Чжэ, Лю Шаоци отправился из Пекина в Москву 2 июля 1949 г., но в „Хронологической биографии Лю Шаоци“ на основе новых данных установлено, что он отправился в путь 21 июня¹¹. Кроме того, в 6-м номере журнала „Проблемы Дальнего Востока“ за 1991 год опубликованы отредактированные Гончаровым воспоминания руководителя группы советских специалистов в Китае Ковалёва. Там говорится, что Гао Ган поставил лично перед Сталиным вопрос о том, что нужно сделать

китайский Северо-Восток 17-й союзной республикой Советского Союза. 14 февраля 1992 г. издание „Ситуация в Восточной Европе и Центральной Азии“, публикуемое Институтом по изучению СССР и Восточной Европы Академии общественных наук Китая, обнародовало выдержки из этого интервью. После того, как Гун Юйчжи¹² прочёл этот материал, 6 марта (1992 г.) он позвонил мне и сказал, что, по его мнению, слова Ковалёва сравнительно точны (Запись телефонного разговора). 9 марта (1992 г.) я посетила Ши Чжэ в его квартире, расспросила его об этой ситуации, и он однозначно опроверг высказывания Ковалёва (см. Запись беседы). Поскольку я читала телеграммы, которые Лю Шаоци отправлял в ЦК КПК, находясь в Советском Союзе, а там не говорилось о данном инциденте с Гао Ганом, я поверила словам Ши Чжэ, написала статью „Неточности в воспоминаниях Ковалёва – запись беседы с Ши Чжэ“, а также попросила Ши Чжэ прочесть и проверить её (см. оригинал рукописи).

Летом 1992 г.¹³ Гончарова перевели в Пекин на работу в российское посольство, назначили советником по политическим вопросам¹⁴. 24 сентября 1993 г. директор Исследовательского института компании СИПС Пи Шэнхао¹⁵ поспособствовал тому, что я вместе с Чжан Си, который являлся членом рабочей группы по написанию биографии Пэн Дэхуая и специалистом по истории „войны сопротивления Америке и помощи Корее“, встретила с Гончаровым и экономическим советником посольства Денисовым¹⁶. После этого, 5 октября (1993 г.) мы все вместе навестили Ши Чжэ. Мы снова спросили Ши Чжэ и обсудили эту проблему (о присоединении Маньчжурии к СССР. – С.Г.). Ши Чжэ тут же всё категорически опроверг, заявил, то Гао Ган такого не говорил. Когда вышли (из квартиры Ши Чжэ), Гончаров сказал: „Если говорить о Ковалёве и Ши Чжэ, то эти два старца не слишком ладили друг с другом“¹⁷.

Моя статья „Неточности в воспоминаниях Ковалёва – запись беседы с Ши Чжэ“ 15 февраля 1993 г. была опубликована в первом номере журнала „Справочные материалы для изучения источников по отечественной истории“ (国史资料研究参考资料). После этого она была перепечатана в журнале „Личности“ (人物) и в американском журнале Historian. В качестве приложения она вошла в опубликованные в Японии воспоминания Ши Чжэ. Влияние (которое оказала данная публикация) было сравнительно значительным...».

Могу засвидетельствовать, что содержание беседы с Ши Чжэ, в которой участвовали А.И. Денисов, автор данной статьи, Ли Хайвэнь, Чжан Си и Пи Шэнхао, изложено в этих заметках Ли Хайвэнь достаточно точно.

Когда мы общались с Ши Чжэ, я постоянно думал о том, насколько тесен мир – ведь с А.И. Денисовым меня познакомил К.В. Шевелёв.

Он же свёл меня с И.В. Ковалёвым. В Китае на контакты с Ши Чжэ – который был партнёром И.В. Ковалёва 45 лет назад – нас вывел Пи Шэнхао, который был подчинённым моего стэнфордского знакомого Хуа Ди.

Хотел бы отметить, что в упомянутой критической статье Ли Хайвэнь, посвящённой разбору интервью И.В. Ковалёва, прежде всего приводится следующее высказывание Ши Чжэ: «...Ковалёв не принимал никакого участия в переговорах между Лю Шаоци и Сталиным, поэтому он не знает, как прошли эти переговоры» [18, с. 90]. Далее Ши Чжэ заявляет следующее: Гао Ган, «будучи китайцем и членом Политбюро, ни в коем случае никогда бы не смог ни прилюдно, ни иным образом предложить сделать три Северо-Восточные провинции Китая 17-й республикой Советского Союза. Гао Ган был очень недоволен тем, что Советский Союз вывез промышленное оборудование с Северо-Востока, очень хотел сказать об этом Сталину, однако с этим не согласился Лю Шаоци. Если Гао Ган не был даже согласен на вывоз Советским Союзом нашего оборудования, то как он мог предложить сделать Северо-Восток 17-й республикой Советского Союза?» [18, с. 92].

Ши Чжэ также категорически опроверг сообщение И.В. Ковалёва о том, что во время встречи со Сталиным Лю Шаоци официально снял выдвинутое Мао Цзэдуном предложение о том, чтобы СССР помог НОАК подводным флотом и авиацией с целью разгрома гоминьдановских сил на Тайване [18, с. 92].

После появления этой публикации я себя чувствовал весьма некомфортно. Неприятно было, что в силу недостатка времени и источников не могу дать серьёзный ответ по существу на утверждения Ши Чжэ о недостоверности высказываний И.В. Ковалёва, которые были обнародованы при моём участии. Тем более тяжело было сознавать, что произошло это после вскоре кончины Ивана Владимировича. Также чувствовал себя неудобно и перед своими американскими соавторами, поскольку в книге, которая вышла в издательстве Стэнфордского университета в 1993 г., уже после публикации данной статьи Ли Хайвэнь, широко использовались сведения из интервью И.В. Ковалёва, в том числе и те, которые прямо опровергал Ши Чжэ [13]¹⁸.

Приходится признать, что после появления на свет данной статьи Ли Хайвэнь в определённой степени было подорвано доверие специалистов к интервью И.В. Ковалёва как к историческому источнику.

За 20 лет после публикации данного интервью стали достоянием гласности многочисленные материалы (в том числе архивные), которые позволяют по-новому оценить высказывания И.В. Ковалёва.

В середине прошлого года вышла в свет уже упомянутая выше статья Ли Цзе, в которой она эмоционально, даже с некоторым

ожесточением, камня на камне не оставляет и от самого И.В. Ковалёва и от его интервью.

В начале 2013 г. в том же журнале «Янь-Хуан чунь-цю» была опубликована статья Ли Вэйминя (бывший зам. начальника исторического департамента Академии военных наук КНР), в которой спокойно и обоснованно опровергаются основные тезисы статьи Ли Цзе [17]. Именно обнаружив в журнале эту публикацию, Хуа Ди (как упоминается в начале данной статьи) в возбуждении позвонил мне¹⁹.

Выяснилось, что редакция журнала *Янь-Хуан чунь-цю* находится по соседству с квартирой Хуа Ди. Он сходил в редакцию, и там ему дали координаты Ли Вэйминя. Последний, в свою очередь, связался с Ли Хайвэнь. В конце февраля нынешнего года вместе с Хуа Ди мы встретились с ними в одном из китайских ресторанов. Состоялась совершенно потрясающая беседа. Ли Хайвэнь, в частности, рассказала мне, что упомянутая Ли Цзе на самом деле не профессиональный историк, она – младшая дочь Гао Гана. Жёсткость и эмоциональность её оценок объяснялись стремлением отстоять добрую память отца.

Теперь хотел бы перейти собственно к разбору вопросов относительно достоверности некоторых тезисов из интервью И.В. Ковалёва.

Полагаю целесообразным остановиться на следующих сюжетах:

- об участии И.В. Ковалёва в переговорах между И.В. Сталиным и Лю Шаоци и реальном статусе И.В. Ковалёва;
- о «тайваньской проблеме» и сталинских оценках вопросов войны и мира;
- о «17-й союзной республике СССР»;
- о вывешивании портретов Сталина на китайском Северо-Востоке;
- о докладе И.В. Ковалёва Сталину;
- о контактах Гао Гана с советскими представителями.

Прежде всего – **относительно присутствия И.В. Ковалёва на переговорах между Лю Шаоци и И.В. Сталиным и о статусе И.В. Ковалёва.**

Согласно вышеупомянутой «разоблачительной» статье Ли Хайвэнь, Ши Чжэ следующим образом «расшифровывал» свой тезис о «фактическом неучастии» И.В. Ковалёва в переговорах между Лю Шаоци и Сталиным: «Ковалёв совершенно не участвовал в переговорах между Лю Шаоци и Сталиным. Когда Лю Шаоци поехал в Советский Союз, Ковалёв поехал вместе с ним. Его работа состояла в том, чтобы, после нашего прибытия в Далянь, провести с Советской армией контакты относительно выделения самолета для того, чтобы доставить Лю Шаоци сначала в воздушное пространство Северной Кореи, затем – на советский Дальний Восток и наконец в Москву. Дорога

заняла 7–8 дней. Когда Лю Шаоци в первый раз встречался со Сталиным, то взял Ковалёва с собой в Кремль. Однако не дал ему возможности войти в кабинет, а велел ждать вонне. Сталин знал, что он приехал, и послал людей позвать его. Спросил его о том, как шли дела в пути. Когда он увидел Сталина, то стоял вытянувшись, как ученик младших классов, был чрезвычайно напряжённым и скованным. После того, как завершил ответы на вопросы, Сталин жестом показал ему на дверь, и он моментально покинул переговорное помещение. Поэтому он ничего не знал о ходе переговоров».

Для того, чтобы прояснить данный вопрос, необходимо прежде всего восстановить хронологию основных контактов на высшем уровне, которые происходили во время визита Лю Шаоци в Москву.

Делегация во главе с Лю Шаоци отбыла из Пекина в столицу СССР 21 июня 1949 г. и прибыла туда 26 июня (см.: [28, с. 217]²⁰).

В опубликованной в 1999 г. книге А.М. Ледовского приводится протокольная запись переговоров китайской делегации во главе с Лю Шаоци с советской делегацией во главе с В.И. Сталиным в Кремле, которая датирована 28 июня 1949 г. (если исходить из воспоминаний Ши Чжэ, то в это время китайские представители ещё не выехали из Пекина)²¹. Эта запись была выполнена И.В. Ковалёвым по указанию И.В. Сталина, а затем дополнена и исправлена Ковалёвым в соответствии с замечаниями советского высшего руководителя [8, с. 85]. Таким образом, не может быть сомнений в полноценном участии И.В. Ковалёва в данном раунде переговоров, на которых рассматривались все важнейшие вопросы.

В 2000 г. под редакцией профессора Шэнь Чжихуа (沈志华)²² вышел в свет 20-й том фундаментальной публикации документов из советских архивов [27]. Он целиком посвящён обнародованию записей секретарей Сталина о людях, посещавших его кремлевский кабинет. В этом издании содержатся сведения о переговорах с китайской делегацией 27 июня 1949 г. Среди советских представителей назван И.В. Ковалёв, который вошёл в кабинет с китайской делегацией (в 23.00) и покинул его вместе с китайскими представителями (в 24.00). Остальные советские участники переговоров (Молотов, Микоян и Маленков) вошли в сталинский кабинет на 15 минут раньше китайской делегации и задержались на 15 минут после её ухода. Среди китайских участников переговоров Ши Чжэ не упоминается [27, с. 724].

Протокольная запись этих переговоров была сделана И.В. Ковалёвым на следующий день и потому датирована 28 июня²³.

10 июля 1949 г. И.В. Сталин устроил для делегации приём на даче в Кунцево [28, с. 218]. На следующий день (11 июля 1949 г.) китайская делегация приняла участие в заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

В официальной китайской биографии Лю Шаоци И.В. Ковалёв упоминается как один из участников этого заседания [28, с. 218]²⁴.

Очередные переговоры с Лю Шаоци Сталин провёл 27 июля 1949 г. [28, с. 219]²⁵.

После этого переговоры с китайской делегацией в кремлевском кабинете Сталина прошли 5 августа 1949 г. [27, с. 729]²⁶. Среди советских участников здесь фигурирует И.В. Ковалёв, а среди китайских – Карский (фамилия, под которой Ши Чжэ был известен в Советском Союзе). Вновь Ковалёв прошёл в сталинский кабинет и покинул его вместе с членами китайской делегации. Советские участники (на сей раз это были Берия, Булганин, Маленков, Микоян и Каганович) зашли к Сталину за 15 минут до китайских гостей и покинули его кабинет через 15 минут после их ухода.

Наконец, И.В. Ковалёв упоминается среди участников совещания у Сталина, которое прошло без китайских представителей 12 августа 1949 г. [27, с. 731]. Возможно, оно было посвящено подведению итогов переговоров с делегацией во главе с Лю Шаоци.

14 августа 1949 г. делегация во главе с Лю Шаоци отбыла из Москвы в Пекин [28, с. 221]²⁷.

В любом случае, записи секретарей Сталина, равно как и другие источники, не оставляют сомнений в том, что И.В. Ковалёв был полноценным участником переговорного процесса, а не «томился в предбаннике».

Китайский историк справедливо отметил, что записи секретарей Сталина скорее заставляют усомниться: а был ли Ши Чжэ участником всех раундов переговоров [26]. Я готов согласиться с Ли Цзе в том, что сталинские секретари по ошибке не зарегистрировали Ши Чжэ как участника переговоров 27 июня 1949 г. (действительно, если бы его там не было, то кто бы обеспечивал перевод) [19]²⁸, однако категорически отказываюсь допустить, что эти люди неправильно зафиксировали время выхода Ковалёва из кабинета «вождя всех времён и народов».

Ли Цзе в своей статье постоянно педалирует тезис о том, что И.В. Ковалёв являлся всего лишь «инженером-железнодорожником» и никак не мог быть допущен к переговорам на высшем уровне. Полагаю, что такая оценка является неверной. Безусловно прав Ли Вэйминь, отмечающий, что в конце 40-х годов И.В. Ковалёв не только руководил советским содействием восстановлению в Китае железнодорожной сети, но и был де-факто политическим представителем И.В. Сталина в этой стране.

Далее попробуем рассмотреть вопрос о том, **выдвигались ли во время визита Лю Шаоци китайской стороной предложения об**

оказании прямого советского военного содействия в захвате Тайваня и о реакции на это Сталина.

Важная информация по данной проблеме содержится в вышеупомянутой книге А.М. Ледовского, а также в собрании документов (в том числе и ранее закрытых), составленных либо подписанных Лю Шаоци.

Судя по выполненной И.В. Ковалёвым протокольной записи, вопрос о советском военном содействии в «освобождении Тайваня» не поднимался во время переговоров, состоявшихся в ночь с 27 на 28 июня 1949 г. в Кремле [8, с. 85–103]. Сталин порекомендовал китайским коммунистам ускорить «освобождение» Синьцзяна и в общей форме пообещал помощь в создании военно-морского флота КНР. Слово «Тайвань» (или «Формоза») в записи вообще отсутствует.

После этих переговоров китайской делегацией 4 июля 1959 г. был направлен Сталину подробный доклад о ситуации в КНР с просьбами о содействии в различных областях [8, с. 88–103; 23, с. 2]²⁹. В нём отмечалось, что Формоза может быть освобождена от гоминьдановцев в течение 1950 г. или раньше. И в этом документе не было просьб о советском военном содействии.

Такая просьба, судя по всему, впервые была сформулирована в телеграмме, которую Мао Цзэдун направил Лю Шаоци для передачи Сталину 25 июля 1949 г. Она заслуживает того, чтобы быть процитированной полностью: «В Шанхае, с момента начала блокады, усиливаются большие трудности. Но для того, чтобы сломить эту блокаду, необходимо захватить Формозу, но без авиации её взять невозможно. Мы хотели, чтобы Вы обменялись мнением с тов. Сталиным насчёт того, может ли СССР оказать нам помощь в этой области, т.е. подготовить в Москве в пределах 6 месяцев – года для нас 1000 лётчиков и 300 технических работников аэродромной службы. Кроме того, может ли СССР продать нам 100–200 истребителей, 40–80 бомбардировщиков, которые будут использованы во время военной операции по взятию Формозы. В области создания морского флота мы также просим, чтобы СССР помог нам. Предполагаем ко второй половине будущего года, т.е. во время наступления наших войск на Формозу, вся территория китайского континента, за исключением Тибета, будет занята нами.

Антиимпериалистическое движение в Европе и других частях света, возможно, шагнёт вперед, также возможно, что в Америке и Англии вспыхнет экономический кризис, в таком случае, если мы будем использовать помощь СССР (т.е. помимо того, что мы просим СССР помочь нам в подготовке лётчиков и продать нам самолёты, возможно,

также придётся попросить СССР прислать нам специалистов советской авиации, военно-морского флота, а также лётчиков для участия в военных операциях) для взятия Формозы, то не причинит ли это вред взаимоотношениям между Америкой и СССР?

Прошу Вас доложить об этом товарищу Сталину, чтобы он взвесил наши планы, возможно ли их провести в жизнь? Если эти планы в общих чертах приемлемы, то мы намерены сейчас же послать курсантов в СССР. Конкретный проект по обучению лётчиков разрабатывается. Потом сообщим Вам. После разрешения этих вопросов Вы можете вернуться на Родину.

Прошу передать изложенное товарищу Сталину.

Мао Цзэдун

25.VII.1949 года».

Есть все основания для вывода о том, что именно обеспечение советской поддержки разгрома сил Чан Кайши на Тайване было основной темой данной телеграммы Мао Цзэдуна – не случайно он поместил эту тему в самый конец текста, превратив ее в кульминацию документа.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае Мао Цзэдун предусматривает два варианта советского содействия «освобождению Тайваня». При «минимальном» варианте предполагалось, что Советский Союз будет содействовать «взятию Формозы» поставками авиационных и военно-морских вооружений, а также ускоренной подготовкой управляющих ими специалистов. Второй, «максимальный» вариант фактически предполагал прямое участие советских ВВС и ВМФ (под флагами НОАК) в боях с силами Чан Кайши за Тайвань. Крайне важно обратить внимание на то, что этот второй (безусловно предпочтительный для Мао Цзэдуна) вариант предполагалось задействовать в случае, если получит дальнейшее развитие антиимпериалистическое движение и если в Америке и Англии «вспыхнет экономический кризис». Мао Цзэдун также просит Сталина оценить возможность того, насколько такое прямое включение в конфликт способно «причинить вред взаимоотношениям между Америкой и СССР».

Полагаю, что мы можем попробовать понять истинный глубинный смысл предложения Мао Цзэдуна, обратившись к содержанию интервью И.В. Ковалёва.

Там, в частности, сообщается, что в конце февраля – начале марта 1949 г. Ковалёва посетил Лю Сяо – коммунист-подпольщик из Шанхая (в 50-х гг. посол КНР в Москве). Он довёл до советского представителя сверхсекретные американские планы по развязыванию «азиатского варианта» третьей мировой войны, в соответствии

с которым, в частности, предполагалось нанесение массированных ядерных ударов по многочисленным целям в Маньчжурии, Приморье и Сибири. Сталин после длительных размышлений следующим образом ответил на данную информацию:

«Война не выгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы её не боимся.

Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет...

Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей – объективных.

Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестол страдал галлюцинациями.

Мы готовы к отпору».

Далее И.В. Ковалёв сообщил, что в беседе с Лю Шаоци, состоявшейся в июле 1949 г., Сталин заявил, что «Советский Союз сейчас достаточно силён, чтобы не бояться ядерного шантажа со стороны США» (см.: [3, с. 288–289]).

18 июля 1949 г. Лю Шаоци направил в Пекин подробный отчёт о комментариях Сталина к докладу китайской делегации, которые были сделаны советским лидером во время заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 11 июля 1949 г. В этой телеграмме приводятся весьма любопытные сталинские оценки тогдашней ситуации в мире, которые заслуживают того, чтобы воспроизвести их полностью:

«3. Что касается международной обстановки, то после того, как мы поставили вопрос об этом, Сталин ответил следующим образом: „Если говорить об оценке современной международной обстановки, то здесь, в основном, существует один момент, а именно – может или нет разразиться война? Если посмотреть с точки зрения различных международных условий, т.е. с точки зрения экономических условий, с точки зрения подготовки США к войне (империализм ещё не подготовился к войне), то сейчас империализму невыгодно воевать с Советским Союзом. Если исходить из нормальных законов исторического развития, то в настоящее время не должно быть войны. Однако же в истории попадают авантюристы, встречаются люди с нарушенной психикой, поэтому возможность вспышки войны всё же существует. Мы к этому готовы. В настоящее время сил империализма недостаточно для нападения на Советский Союз, в настоящее время они как раз занимаются подготовкой. Они используют атомные бомбы для запугивания, однако мы также проводим подготовку и делаем это быстрее, чем они.

Некоторые авантюристы и люди с нарушенной психикой распускают слухи о том, что советские войска высадутся на берегах Америки.

Некоторые люди верят этим рассказам. Поэтому и появляются такие авантюристы. Возьмём к примеру министра обороны США Форрестала. Хоть он и уже умер, однако нельзя исключать возможности появления подобных людей, возможности возникновения войны“.

Мы спросили: „Есть ли возможность компромиссного решения различных важных проблем, существующих в настоящее время между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Англией – с другой“.

Сталин в ответ сказал: „Это очень трудно. Некоторые второстепенные вопросы можно решить, но важные вопросы решить очень трудно. Поживём – увидим.

В борьбе с реакционными группировками мы используем метод их изоляции, используем различные массовые организации и форумы, чтобы в различных государствах, в том числе и в США, вести борьбу, направленную на разоблачение и пропаганду. Это играет очень большую роль. В дальнейшем мы продолжим поступать таким образом.

В настоящее время США и их политика приводят к тому, что проблемы решить невозможно. В США имеются некоторые люди, которые думают о налаживании отношений с СССР, однако они не находятся у власти. Если в США будет новое правительство и новая политика, то советско-американские отношения, возможно, улучшатся.

План Маршалла уже провалился, влияние США в Германии уже ослабевает, они сами опорочили себя, поэтому вероятность войны там уже уменьшилась.

Если империализм захочет воевать, то будем воевать, они будут применять ядерное оружие, и мы будем применять ядерное оружие.

Сами по себе американцы не желают воевать, всегда хотят, чтобы за них воевали другие. Они открыто говорят об этом. Однако же желающих воевать и проливать кровь вместо американцев – немного.

В общем, мы не боимся ни мира, ни войны“» [23, с. 27–28].

Хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, что высказывания Сталина в данном авторитетном китайском источнике даже в деталях совпадают с их изложением в интервью Ковалёва, которое было обнародовано за пять лет до публикации этих документов.

Все эти стратегические выводы Сталина вполне могли совершенно по-разному пониматься самим советским руководителем и Мао Цзэдуном.

Сталин исходил из того, что, в ситуации «разразившегося кризиса» и осознавая готовность СССР к тому, чтобы «дать отпор», США, если только они будут действовать рационально, не пойдут на неспровоцированное, полностью инициированное в Вашингтоне, нападение на

Советский Союз. В силу этого Сталин полагал необходимым принимать все соответствующие меры, чтобы со своей стороны не спровоцировать Америку на агрессивные действия (см.: [10, с. 81–85]).

В свою очередь Мао Цзэдун мог расценивать высказывания Сталина как свидетельство того, что в это время СССР стал настолько силён, а США (в результате развития антиимпериалистического движения и «разразившегося кризиса») не осмелятся выступить против СССР даже в случае активных действий последнего, направленных на подрыв геополитических позиций Соединённых Штатов, и что поэтому Москве не стоит особенно опасаться ухудшения отношений с Вашингтоном. В силу этого Мао, очевидно, реально рассчитывал на то, что Сталин может оказать прямую поддержку «силовому решению тайваньского вопроса», пойдёт на «максимальный вариант» содействия КНР.

Сталин, похоже, усмотрел в обращении Мао приглашение к тому, чтобы, в интересах «взятия Формозы» спровоцировать «небольшой кризис» в отношениях с США. Не удивительно, что его ответ на обращение китайского лидера оказался сугубо негативным.

И.В. Ковалёв вспоминает, что «китайская сторона в это время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 года Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развёрнутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны. „Если мы, руководители, пойдём на это – заявил Сталин – русский народ нас не поймет. Более того. Он может прогнать нас прочь. За недооценку его военных и послевоенных бед и усилий. За легкомыслие...“

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Ещё до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 года, когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу» [3, с. 289].

Здесь прежде всего хотелось бы остановиться на хронологии событий. Судя по содержанию телеграммы от 25 июля 1949 г., Мао Цзэдун явно впервые в этом документе напрямую ставит вопрос о советской военной поддержке по Тайваню, косвенно ссылаясь на

позитивные для себя высказывания Сталина о международной обстановке, сделанные советским руководителем до приезда Лю Шаоци в Москву и во время переговоров с ним. Мао ни словом не упоминает о якобы уже прозвучавшем негативном ответе Сталина во время встречи с Лю Шаоци 11 июля 1949 г.

В силу этого можно предположить, что после того, как Сталин ознакомился с телеграммой Мао Цзэдуна от 25 июля 1949 г., он обсудил с Лю Шаоци тайваньский вопрос 27 июля³⁰ – и дал негативный ответ на просьбу Мао Цзэдуна о прямом советском военном содействии.

Вскоре после этого руководству КНР представилась возможность на деле проверить свою способность отбивать приморские острова у войск Чан Кайши полностью собственными силами. 24–27 октября 1949 г. НОАК втянулась в тяжёлые бои с гоминьдановцами на острове Цзиньмэнь, расположенном в 5,5 морских милях от берега в районе г. Сямэнь (пров. Фуцзянь). В итоге НОАК потерпела болезненное поражение, потеряв убитыми около 10 000 человек. Причинами стали недостаток опыта в ведении десантных операций, крайне слабая поддержка с моря и воздуха [25, с. 66–67].

После этого Мао Цзэдуну, несмотря на негативный ответ уже полученный Лю Шаоци в Москве, пришлось вновь обратиться к данному вопросу во время личной беседы со Сталиным 16 декабря 1949 г. Горький опыт боёв за Цзиньмэнь подтверждал, что без прямого советского военного содействия проведение десантной операции против Тайваня является крайне проблематичным.

Позволю себе привести пространную цитату из записи этих переговоров между двумя лидерами. По моему глубокому убеждению, в полной мере понять смысл этого обмена мнениями можно только в случае учёта содержания диалога между Сталиным и Лю Шаоци, состоявшегося в Москве в июле 1949 г.

«Товарищ Мао Цзэдун: Главнейшим вопросом в настоящее время является вопрос об обеспечении мира. Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3–5 лет, которая должна быть использована для восстановления предвоенного уровня экономики и стабилизации общего положения в стране. Решение важнейших вопросов в Китае находится в зависимости от перспектив на мир. В связи с этим ЦК КПК поручило мне выяснить у Вас, тов. Сталин, вопрос о том, каким образом и насколько обеспечен международный мир.

Товарищ Сталин: В Китае, таким образом, идет война за мир. Вопрос о мире больше всего занимает и Советский Союз, хотя для него мир существует уже в течение четырёх лет. Что касается Китая,

то непосредственной угрозы для него в настоящее время не существует: Япония ещё не встала на ноги и поэтому она к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать, разве что Ким Ир Сен пойдёт на Китай?

Мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 10–15, но и на 20–25 лет, а, возможно, и на ещё более продолжительное время...

Товарищ Мао Цзэдун: Нам хотелось бы также получить Вашу помощь в создании морского флота.

Товарищ Сталин: Кадры для китайского морского флота можно было бы готовить в Порт-Артуре. Вы дадите людей, а мы дадим корабли. Обученные кадры китайского морского флота могли бы вернуться в Китай на этих же кораблях.

Товарищ Мао Цзэдун: Гоминьдановцы создали военно-морскую и воздушную базу на о. Формозе. Отсутствие у нас морского флота и авиации осложняет занятие острова Народно-освободительной армией. В связи с этим некоторые наши генералы высказывают мысли о том, чтобы прибегнуть к помощи Советского Союза, который мог бы направить лётчиков-волонтёров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы.

Товарищ Сталин: Оказание помощи не исключено, но формы помощи нужно обдумать. Главное здесь – не дать повода американцам для вмешательства. Что касается штабных работников и инструкторов, то мы их можем дать в любое время. Остальное обдумаем.

Есть ли у Вас десантные части?

Товарищ Мао Цзэдун: Есть один бывший гоминьдановский полк, который перешёл на нашу сторону.

Товарищ Сталин: Можно было бы отобрать роту десантников, распропагандировать их, забросить на Формозу и через них организовать восстание на острове.

Товарищ Мао Цзэдун: Наши войска подошли к границе Китая с Бирмой и Индо-Китаем. В связи с этим Англия и Америка обеспокоены тем, перейдём ли мы границу или движение наших войск остановится?

Товарищ Сталин: Можно было бы пустить слух, что готовитесь перейти границу, и таким образом поугатать империалистов.

Товарищ Мао Цзэдун: Некоторые страны, особенно Англия, проявляют большую активность для признания Китайской Народной Республики. Однако мы считаем, что пока не стоит спешить с признанием. Мы должны навести порядок в стране, укрепить своё положение, а затем уже разговаривать с иностранными империалистами.

Товарищ Сталин: Эта правильная политика. Вместе с тем не надо самим создавать конфликтов с англичанами и американцами. Если, например, понадобится нажать на Англию, то это можно сделать, прибегнув к конфликту Гуандунской провинции с Гонконгом. А для урегулирования такого конфликта в качестве посредника мог бы выступить Мао Цзэдун. Главное – не торопиться и избегать конфликтов...» [5, с. 01573–01577]³¹.

Вполне логично, что Мао Цзэдун начал переговоры с зондажа вопроса о том, не произошло ли изменений в подходах Сталина к оценке перспектив мировой войны по сравнению с теми, которые были сформулированы в ходе переговоров с Лю Шаоци. Советский лидер в очередной раз подтвердил свою позицию, сводящуюся к тому, что по своей инициативе «империалисты» конфликт не начнут.

Далее Мао Цзэдун прозондировал возможность реализации «минимального» варианта советского содействия – предоставления военно-морских и военно-воздушных вооружений и подготовки персонала для них. Сталин однозначно подтвердил своё согласие.

Наконец, Мао перешёл к вопросу о «максимальном» варианте – задействовании советских «добровольцев» на советской военной технике. Такой вариант был для него явно предпочтительным. Характерно, что, памятуя о негативном ответе, который был дан Сталиным во время переговоров с Лю Шаоци, на сей раз Мао преподнёс это не как свою собственную идею, но как «мнение некоторых генералов». Ответ Сталина вновь оказался негативным. Далее он ясно дал понять, что главная причина этого – необходимость избежать «провоцирования» конфликта с Америкой и Англией.

Таким образом, обнародованные в последнее время источники позволяют подтвердить содержащиеся в интервью И.В. Ковалёва сведения о том, что во время визита Лю Шаоци китайская сторона на самом деле обращалась к И.В. Сталину с просьбой об оказании прямого военного содействия для захвата Тайваня и получила негативный ответ. Вместе с тем следует признать, что пока не представляется возможным подтвердить тот факт, что 27 июля 1949 г. в беседе со Сталиным Лю Шаоци «снял» китайские предложения по Тайваню.

Во второй половине января 1950 г. в позиции Сталина по «тайваньскому вопросу» обозначились весьма существенные подвижки – теперь он стал опасаться, что Мао Цзэдун, в результате изменения политики США, сможет захватить Тайвань собственными силами, причём Соединенные Штаты не окажут режиму Чан Кайши военной поддержки. Сталин обеспокоился тем, что уже вскоре могут быть нормализованы отношения между Пекином и Вашингтоном и Мао

Цзэдун таким образом приобретет качественно больший «простор для манёвра» в контактах с СССР. Подобные соображения в конечном счёте привели к тому, что Сталин дал Ким Ир Сёну «добро» на вторжение в Южную Корею. Этот сюжет представляет самостоятельный интерес и не имеет прямого отношения к нашей истории.

Остановимся теперь на вопросе о **предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й союзной республикой СССР.**

Как упоминалось ранее, Ши Чжэ сообщает, что Гао Ган был крайне недоволен тем, что Советский Союз после войны вывозил из Маньчжурии промышленное оборудование, хотел пожаловаться на это Сталину.

Здесь упоминается совершенно реальная и весьма болезненная проблема – вскоре после разгрома Квантунской армии СССР действительно в больших масштабах стал вывозить из Маньчжурии в качестве военных трофеев всё промышленное оборудование, которое могло прямо или косвенно использоваться для обеспечения нужд японской военной машины. При таком подходе вывозу подлежал широкий круг предприятий, отнюдь не ограничивавшийся только оборонными заводами. Это вызвало сильнейшее недовольство китайской стороны, обвинявшей СССР в нарушении международного права и обязательств по двусторонним договорам [21, с. 74–82].

Такое недовольство выражалось не только гоминьдановскими властями, оно существовало и среди коммунистических союзников СССР. Последние не могли открыто критиковать «вождя всех времён и народов» и потому вынуждены были маскировать собственные взгляды ссылками на мнения неких «представителей демократических партий». В докладе, который Лю Шаоци направил Сталину 4 июля 1949 г., содержалась следующая критика в адрес подобных деятелей: «...Относительно проблемы вывоза Советским Союзом машин и оборудования мы говорим, что они принадлежали японцам, что Советский Союз увёз их в качестве военных трофеев для того, чтобы строить социализм, чтобы предотвратить их попадание в руки реакционеров, которые использовали бы их против китайского народа, что всё это совершенно правильно...» [23, с. 16].

Одним из авторов этого доклада был Гао Ган. Вполне возможно, что он, как и другие руководители КНР, в личном плане негативно относился к вывозу оборудования – но официально не мог себе позволить критиковать за это советское руководство. Напротив, как и другие лидеры КНР, он вынужден был вести пропагандистскую линию, направленную на доказательство правомерности этих действий СССР.

С современной точки зрения предложение Гао Гана о превращении Маньчжурии в 17-ю республику СССР представляется чудовищно непатриотичным. Мы, однако же, не должны механически переносить нынешние воззрения на тогдашние времена.

Как вспоминал И.В. Ковалёв, мотивируя это своё предложение, Гао Ган заявил, что «...это обезопасило бы Маньчжурию от нападения со стороны американцев и превратило бы её в ещё более надёжную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши...» [3, с. 290]. В те времена сильнейшее влияние на умы коммунистов (в том числе китайских) оказывала идеология пролетарского интернационализма. Национальные границы в рамках такого подхода являлись понятием второстепенным, и казалось вполне естественным опереться на поддержку «братьев по классу», пожертвовать национальным суверенитетом ради конечной победы над империалистами.

Ещё более глобальный интернационалистский подход был, например, продемонстрирован Мао Цзэдуном, когда, выступая 17 мая 1958 г. на втором пленуме ЦК КПК 8-го созыва, он, в частности, заявил: «...В ядерных войнах у нас сейчас опыта нет, не знаем, сколько будет погибших. Лучше всего, чтобы в живых осталась половина, похуже будет если останется треть, то есть из населения (земного шара) в 2 млрд. 900 млн. человек останется 900 млн. человек. Пройдёт несколько пятилетних планов, и станем развиваться, зато в обмен на это полностью уничтожим капитализм, добьёмся вечного мира. Это – не плохое дело» [20, с. 280]. Здесь ради победы над капитализмом Мао был готов пожертвовать значительной частью не только населения Китая, но и всего мира – а не только какими-то несколькими китайскими провинциями, которые к тому же окажутся в объятиях «старшего социалистического брата»!

Конечно же не стоит преувеличивать степени влияния на Мао идей пролетарского интернационализма. Во второй половине 50-х гг. китайские руководители стали чрезвычайно резко реагировать на попытки СССР навязывать Пекину определённые обязательства со ссылками на солидарность внутри «социалистического лагеря». Тем не менее игнорировать влияние на лидеров КНР идей интернационализма и мировой революции, особенно в конце 40-х гг. прошлого века, конечно же, нельзя.

В своём интервью И.В. Ковалёв сообщал, что после того, как Гао Ган внёс предложение о превращении трёх провинций Северо-Восточного Китая в 17-ю союзную республику СССР, «...встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: „Товарищ Чжан Цзолинь!“ Все присутствовавшие были буквально потрясены

таким обращением, ибо Чжан Цзолинъ был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев» [3, с. 290].

В последнее время всплыли любопытные свидетельства, связанные с данным эпизодом.

Во время упомянутой выше встречи в конце февраля 2013 г. Ли Хайвэнь отметила, что Гао Ган и выдающийся китайский военачальник, министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай были земляками – уроженцами провинции Шэньси. В частности благодаря этому между ними сложились тёплые дружеские отношения, они часто поддерживали друг друга в различных ситуациях. В конце 50-х гг., когда по указанию Мао Цзэдуна была развернута жёсткая критика Пэн Дэхуая за его несогласие с политикой «большого скачка», эта дружба с ранее уже разжалованным и репрессированным Гао Ганом стала поводом для дополнительных обвинений в адрес Пэн Дэхуая.

Ли Вэйминь в вышеупомянутой статье приводит отрывок из ранее нигде не публиковавшегося выступления генерала Чжан Минцюаня, который в начале 50-х гг. служил на Северо-Востоке и имел прекрасные отношения с Гао Ганом, на состоявшемся 2 сентября 1959 г. в Центральном Военном Совете собрании, посвящённом критике Гао Гана. Генерал Чжан заявил тогда следующее:

«...Есть ещё и вопрос о связях с зарубежными странами: вскоре после освобождения Северо-Востока там действовал политический советник, которого звали Ковалёв (советский заместитель министра железных дорог). Гао Ган излагал лично ему свои взгляды на китайскую компартию. Распространял очень много антипартийных суждений. Ковалёв поэтому стал утверждать, что товарищи Лю Шаоци и Пэн Чжэнь не являются марксистами. Гао трижды ездил в Советский Союз, однажды ездил вместе с товарищем Лю Шаоци. После того, как возвратился, стал распространять многочисленные суждения, направленные против товарища Лю Шаоци. Говорил о том, как Сталин ценит его и как пренебрежительно относится к товарищу Лю Шаоци. Говорил, что Сталин сказал, будто он является Чжан Цзолинем для Северо-Востока».

Получается, что в этом источнике, который был обнародован через 20 лет после публикации интервью И.В. Ковалёва, содержится весьма важное косвенное подтверждение того, что эпизод с предложением Гао Гана о 17-й союзной республике действительно имел место.

Следует отметить, что для Сталина и для Гао Гана фигура знаменитого «милитариста» Чжан Цзолиня (1875–1928) могла выглядеть совершенно по-разному. С точки зрения советских интересов он

был персонажем сугубо негативным, поскольку постоянно пытался установить контроль над Китайско-Восточной железной дорогой, «пригрел» в Харбине и других городах Северо-Востока многочисленных белых эмигрантов, которые осуществляли постоянные вылазки на границе с СССР.

С точки зрения китайцев Чжан Цзолинь многое сделал для развития Маньчжурии. Он действительно обладал в этом регионе всей полнотой власти, но никогда не ставил вопроса об отделении от Китая и создании самостоятельного государства. В начальный период своего господства на Северо-Востоке Чжан Цзолинь действительно стремился опереться на японцев, но когда встал на ноги и создал достаточно серьёзные вооружённые силы, стал противостоять им. Именно поэтому японские спецслужбы в 1928 г. подорвали поезд, на котором он ехал.

В силу всего этого, с точки зрения Гао Гана сравнение с Чжан Цзолинем, сделанное И.В. Сталиным, могло расцениваться как достаточно лестное, о чём не стыдно было рассказать друзьям и коллегам.

Самое убедительное свидетельство в пользу того, что Гао Ган действительно ставил вопрос о присоединении трёх Северо-Восточных провинций Китая к СССР в качестве «17-й союзной республики» содержится в вышеупомянутой рукописи Ли Хайвэнь, которая цитируется в статье Ли Вэйминя и которую г-жа Ли передала мне во время встречи в конце февраля 2013 г. Там, в частности, сообщается следующее: «...Однако же как раз после опубликования моей статьи, Ши Чжэ, во время беседы с одним из зарубежных гостей, в моём присутствии, признал, что Гао Ган говорил такие слова (о 17-й союзной республике. – С.Г.). Из-за этого у меня глаза вылезли из орбит, утратила дар речи. Не знала, то ли смеяться, то ли плакать. В то время я была занята другой работой, не думала, что это дело будет в дальнейшем цитироваться столь многими людьми, что оно породит столь значительные последствия, поэтому не стала писать статью с исправлениями. Первое требование при изучении истории состоит в том, что нужно искать истину исходя из фактов, поэтому сейчас я торжественно пишу о вышеупомянутых обстоятельствах, чтобы предоставить их как материал для исследования».

Можно представить себе, как непросто было Ли Хайвэнь предоставить для опубликования материал, опровергающий один из опорных тезисов её же статьи, приобретшей международное признание. Тем большего профессионального уважения заслуживает её поступок, внёсший серьёзный вклад в установление исторической истины.

О вывешивании портретов Сталина на Северо-Востоке КНР.

Здесь придётся привести две пространные цитаты – сначала из интервью Ковалёва, а затем – из архивного документа того времени.

В интервью Ковалёва говорится следующее: «В сентябре 1949 года к Мао Цзэдуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала просить дозволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им, в общем, понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминьдановского Юга.

Вместе с тем гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но всё там как-то не по-китайски, а скорее, как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на Северо-Востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом в повестке дня стал „вопрос о портретах“.

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду – во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения были во многих случаях совсем на него не похожи, он там был изображён с восточными, китайскими чертами лица – но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Ещё в конце 1948 года группа работников советского документального кино, посетивших перед этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно он так выражал свое недовольство Мао, сейчас трудно сказать.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвёртом зашёл ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Эньлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа, в стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда был особенно огорчён позицией Чжоу, которого считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию,

в которой осуждалась „линия Гао Гана“ и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось объясняться по этому поводу с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. Потом, по прошествии времени, я стал лучше понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Он бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, потому что в тот момент счёл более важным для себя хорошие отношения с Мао. Я с этой телеграммой пошёл к Мао Цзэдуну, однако ту её часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя оттуда поступил грозный запрос. Мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением...» [3, с. 291–292].

Очевидно, что вокруг этого «портретного вопроса», как его излагает И.В. Ковалёв, развернулся нешуточный конфликт в высшем китайском руководстве. Между тем Ли Цзе в своей статье, не приводя ссылок на источники, полностью дезавуирует «портретную историю».

Полагаю, что окончательную ясность в данный сюжет позволяет внести рассекреченный советский архивный документ, в котором говорится следующее:

«ВОПРОС О ВЫВЕШИВАНИИ В КИТАЕ ПОРТРЕТОВ ЛЕНИНА И СТАЛИНА.

11 октября 1949 года т. Сталин сообщал Ковалёву:

В вопросе о вывешивании портретов Ленина и Сталина товарищ Гао Ган не прав, а Лю Шао-ци, Чжоу-Энь-лай (так в тексте. – С.Г.) и

другие товарищи безусловно правы. Это так элементарно, что я удивляюсь, как могли возникнуть разногласия по этому вопросу.

По вопросу о демократических партиях в Китае и необходимости считаться с их лидерами, товарищ Гао Ган также не прав, а товарищи Чжоу Энь-лай и Лю Шао-ци безусловно правы.

Разъясните всё это Гао Гану, разъясните также Лю Шао-ци и другим товарищам. Вообще должен сказать, подчеркнул Сталин, что чем меньше будет портретов Ленина и Сталина в Китае, тем лучше.

Телеграмма Ковалёва Сталину по указанному вопросу.

10 октября 1949 года Ковалёв писал:

Ко мне зашёл Гао Ган и в беседе снова затронул вопрос о порядке вывешивания портретов. Он сказал, что имел беседу по этому вопросу с Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем, Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуном. О мотивах принятия решения о порядке вывешивания портретов Мао Цзэ-дун сказал следующее:

Сейчас не время широко вывешивать портреты Ленина и Сталина, так как повсеместное использование их используется реакционными элементами против нас. Придёт время, заявил Мао Цзэдун, и тогда портреты Ленина и Сталина мы вывесим повсеместно.

Вчера, писал далее Ковалёв Сталину, Мао Цзэдун подписал телеграмму, адресованную Бюро ЦК КПК по Маньчжурии, в которой говорится, что портреты Ленина и Сталина следует вывешивать во всех партийных учреждениях, местах расположения советских войск, в советских школах, в местах компактного проживания советских граждан, в пределах КЧЖД [полосы отчуждения], а также в помещениях общества советско-китайской дружбы.

Говоря о том, что побудило Мао Цзэ-дуна дать такое указание, Гао сказал, что буржуазный демократ и крупный капиталист Чэн Цзя-чэн (так в тексте, скорее всего имеется в виду Чэнь Цзягэн. – С.Г.), член правительства КНР, в докладе о своей поездке в Маньчжурию, демагогично заявил ему, Мао Цзэдуну, что в Маньчжурии Мао Цзэдуна как вождя не признают, его портретов не вывешивают. Чэн Цзя-чэн, рассказывая об этом Мао Цзэ-дуну, заплакал.

По словам Гао Гана, с Мао Цзэдуном говорили по этому вопросу Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лай. Содержание этого разговора Гао Ган не знает. В результате была критика по адресу Гао Гана, хотя без упоминания его имени.

Гао Ган сказал, писал Ковалёв, что со мной [Ковалёвым] по этому вопросу собирается говорить Лю Шао-ци.

Ковалёв сообщил в своём донесении Сталину, что он вслед за телеграммой передаёт Решение ЦК КПК о порядке вывешивания портретов, присланное ему из ЦК КПК с просьбой разъяснить это решение советским товарищам» [29, с. 01477–01478].

Полагаю, что из сопоставления этих двух текстов можно сделать следующие совершенно очевидные выводы:

– «История с вывешиванием портретов» в Маньчжурии действительно имела место и утверждения Ли Цзе, отрицающие сообщение о ней в интервью И.В. Ковалёва, являются несостоятельными.

– В указаниях Сталина Ковалёву содержалось два пункта (о вывешивании портретов и об отношении к лидерам демократических партий). Теоретически можно предположить, что первоначально Ковалёв (как он сообщил в интервью), дабы «прикрыть» Гао Гана, довёл до Мао только вопрос о демократических партиях и умолчал о «портретном вопросе». Если честно, то я плохо себе представляю, как советский представитель мог осмелиться не выполнить полностью указание Сталина.

– И.В. Ковалёв в интервью, похоже, чрезмерно заостряет и драматизирует критику в адрес Гао Гана. В материалах 1949 г. не упоминается ни заседание Политбюро, ни угрозы вывести Гао Гана из ЦК КПК. Выясняется, что в процессе критики фамилия Гао Гана вообще не называлась. Возможно, что на И.В. Ковалёва здесь косвенное влияние оказала советская пропаганда 60-х – начала 80-х гг., в которой Гао Гана пытались представить как одного из лидеров «здоровых сил», которого «маоисты» погубили за близость к СССР.

– В интервью Иван Владимирович несколько завысил свою роль в вопросе о принятии решения о вывешивании портретов. Из материала 1949 г. следует, что такое решение отнюдь не было итогом его договорённости с Мао Цзэдуном, но было принято ЦК КПК самостоятельно.

Перейдём теперь к анализу вопроса об адресованном И.В. Сталину докладе **И.В. Ковалёва о положении в Китае.**

В своём интервью И.В. Ковалёв следующим образом описал драматическую ситуацию, сложившуюся вокруг этого доклада: «Последний смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые замечания в адрес

китайских руководителей. В феврале 1950 года, незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, в которых также были критические сообщения в адрес ЦК КПК. Это было бы ещё полбеды, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему.

Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А.И. Микоян. 25 июля 1967 года в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин последующих гонений на Гао Гана. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предreshает участь Гао Гана» [3, с. 293]³².

Из этого сообщения становится понятным, почему И.В. Ковалёв впоследствии столь критически относился к И.В. Сталину. Передача китайской стороне этого доклада делала невозможной продолжение его работы в КНР. Вообще, этот эпизод оказался губительным для карьеры первого советского министра путей сообщения.

Ши Чжэ в своих воспоминаниях следующим образом описывает события, связанные с данным докладом: «Ковалёв и советник посольства, переводчик с китайского языка Федоренко прибыли в Москву вместе с делегацией (возглавляемой Мао Цзэдуну. – С.Г.), иногда они приезжали для того, чтобы увидеться с Председателем по каким-то делам. Однажды, когда они приехали на дачу для разговора, Председатель Мао в разговоре с Ковалёвым дал волю своему гневу. Он заявил: „Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать, для чего я вообще сюда приехал? Не для того ли я приехал, чтобы есть, посещать уборную да спать?“

На самом-то деле откуда они (т.е. Ковалёв и Федоренко. – С.Г.) могли об этом знать, они и со Сталиным-то не могли увидеться. Ковалёв в этом году однажды виделся со Сталиным, когда сопровождал Лю Шаоци. Когда Сталин обратился к нему с вопросом, он страшно напрягся, стал похож на ученика младших классов, стоял навытяжку, немедленно отвечал на вопросы. Разве они были способны доложить Сталину о том, что Председатель разгневался.

Когда Ковалёв и Федоренко уезжали (с дачи. – С.Г.), я их проводил до дверей и обнаружил, что Ковалёв ведёт себя ненормально.

После того, как они уехали, я зашёл к Председателю. У него настроение было очень хорошее, и он радостно сказал мне: „Для того так проучил Ковалёва, чтобы он сообщил о ситуации Сталину (то есть проинформировал о моём недовольстве)“.

Я сделал Председателю следующее разъяснение: „Ковалёв не сможет встретиться со Сталиным и также не сможет проинформировать о полученном им выговоре. Он не сможет сказать об этом и не осмелится этого сделать. Если он это сделает, то подвергнется разному или будет наказан. Нужно подождать и посмотреть, какие шаги предпримет Ковалёв для того, чтобы выйти из этой трудной ситуации“.

Неожиданно для нас после отъезда с дачи Ковалёв написал странное послание с клеветой на Китай. Как только Сталин получил это письмо, сразу же передал его нам. Он также сказал: „Это написал лично Ковалёв, это отнюдь не наше поручение. Вы должны исходить из того, что он не занимается политикой, это всего лишь технический работник. Ему совершенно не следует влезать в политику“.

Позднее во время одной из бесед Мао Цзэдуна со Сталиным затронули вопрос о направлении специалистов. Председатель поинтересовался, не направят ли к нам Ковалёва. Сталин моментально заявил: „Ковалёв не специалист, не разбирается в созидательной деятельности, мы к вам направим зрелого и знающего специалиста“» [22, с. 437–438].

В дневниковой записи Ван Дунсина (начальник личной охраны Мао Цзэдуна) за 28 декабря 1949 г. данный эпизод описывается следующим образом: «Глубокой ночью Председатель Мао сказал мне: „Подожди, пока я разберусь с внутренними делами нашей страны, потом я тебе кое-что расскажу“.

После того, как председатель Мао разобрался с делами, он позвал меня и сказал мне: „Совсем недавно товарищ Сталин передал мне письмо, посвящённое проблемам Китая. В этом письме затрагиваются внутренние вопросы Компартии Китая. Полагаю, что кто-то предоставил материалы, дал возможность кое-кому написать (это письмо. – С.Г.), это называется писать доносы иностранцам“.

Председатель Мао спросил меня: „Ты понимаешь, что значит писать доносы иностранцам?“

Я сказал: „Это значит писать для иностранцев документы с изложением фактов“.

Председатель кивнул в знак согласия.

Дело обстояло следующим образом. Во время беседы с Председателем Мао Сталин передал ему для ознакомления письмо, написанное Ковалёвым – специалистом из системы железных дорог, которого Сталин командировал на Северо-Восток. В порядке объяснения Сталин сказал: „Это письмо Ковалёв написал самостоятельно, мы ему не поручали. Он не занимается политикой, всего лишь является техническим работником, ему не стоит вторгаться в политику“» [16, с. 127–128].

Таким образом, китайские авторы указывают, что Ковалёв написал свой критический доклад как бы «в отместку» за то, что его отругал Мао Цзэдун. Сталин от этого доклада отмежевался и передал его Мао с тем, чтобы укрепить взаимное доверие. Мао выразил к докладу негативное отношение и заподозрил, что материалы для документа были переданы «кем-то» из руководства КПК (явный намёк на Гао Гана).

Ли Цзе в своей статье выражает полное согласие с версией, приведённой Ши Чжэ, и подчёркивает, что в докладе Ковалёва ситуация в КНР и в Компартии Китая была преподнесена в совершенно извращённом свете (см.: [19, с. 27]).

Доклад И.В. Ковалёва, датированный 24 декабря 1949 г., действительно был выдержан в исключительно критических в отношении политики КПК тонах [29, с. 01582–01589]. В начале практически каждого из разделов документа И.В. Ковалёв цитирует «советы», дававшиеся Сталиным китайским коммунистам по тем или иным вопросам, и затем доказывает, что они не следуют этим советам. И.В. Ковалёв особенно резко упрекает некоторых китайских руководителей за «пробуржуазные и проамериканские тенденции», причём самых жёстких оценок удостоены Лю Шаоци и Бо Ибо. Единственной однозначно положительной фигурой в докладе выставлен Гао Ган.

Прежде чем приступить к оценке этого документа и его последующего влияния, я хотел бы отметить, что судя по воспоминаниям Ши Чжэ, Сталин отмежевался от документа, но ни разу не сказал прямо Мао Цзэдуну, что он не согласен с тем или иным тезисом, сформулированным И.В. Ковалёвым.

С моей точки зрения, достаточно взвешенный и углублённый анализ ситуации вокруг доклада Ковалёва приводится в упоминавшейся выше статье Ли Вэймина (см. [17]). Этот китайский исследователь приходит к следующим выводам, с которыми я полностью согласен:

– В докладе Ковалёв проявил себя как истинный сталинист, оценивавший происходящее в Китае с крайне левацких позиций. Сталин, скорее всего, мог быть не согласен с частностями в этом документе, но в основном разделял высказанные советским представителем опасения и критические оценки.

– Передавая доклад Мао Цзэдуну, Сталин стремился прежде всего не заслужить его доверие, а «чужими руками» предостеречь его от проведения «ошибочной политики» в различных областях.

– Внимательно изучив доклад, Мао Цзэдун в основном согласился с содержащимися в нём обвинениями в адрес Лю Шаоци и Бо Ибо в «буржуазном уклоне» и «проамериканизме». Мао отнюдь не смутило то, что источником информации для

Ковалёва послужили сведения, сообщённые Гао Ганом. В начале 50-х гг. Мао Цзэдун многократно прямо поддерживал критику со стороны Гао Гана в адрес Лю Шаоци и Бо Ибо, назначал Гао Гана на всё более ответственные должности.

Объективно доклад И.В. Ковалёва сыграл в истории КНР негативную роль, став одним из множества факторов, закреплявших в этой стране «левацкие», «сталинистские» тенденции. В присущей ему манере Сталин хладнокровно пожертвовал автором доклада с тем, чтобы в прямой и жёсткой форме, без дипломатических церемоний довести до Мао свои «политические пожелания».

В середине 60-х гг. критика Лю Шаоци как лидера «группы предателей, идущих по капиталистическому пути» (каппутистов) стала одной из идеологических доминант развязанной Мао Цзэдуном «культурной революции».

О контактах Гао Гана с Советским Союзом.

Ли Цзе в своей статье категорически опровергает сообщения о том, что Гао Ган передавал советским представителям закрытые сведения о ситуации в КНР и Компартии Китая. При этом она ссылается на то, что ни в одном из многочисленных документов КПК 1954–1956 гг., посвящённых критике Гао Гана, не содержится обвинений в его несанкционированных связях с советскими представителями. Цитируемое ею единственное высказывание Мао Цзэдуна на сей счёт, относящееся к 1958 г., Ли Цзе объявляет ни на чём не основанной попыткой «повесить на Гао Гана ярлык», против которой не осмелился возразить ни один из тогдашних партийных деятелей (см. [19, с. 27]).

На самом деле можно привести достаточно много высказываний китайских лидеров относительно несанкционированных связей Гао Гана с СССР. В официальных документах такие обвинения в то время не обнародовались, дабы не бросить тень на «братские и дружественные» отношения, существовавшие тогда между Пекином и Москвой (см. [17, с. 84]).

В последнее время обнародовано немало материалов относительно бесед китайских представителей с советскими относительно «дела Гао Гана». Здесь я хотел бы привлечь внимание к сообщению, которое более 20 лет назад было опубликовано в воспоминаниях Ши Чжэ: «Мао Цзэдун уделял Юдину³³ беспрецедентное внимание, поскольку считал его искренним и честным человеком. В третьей декаде декабря 1953 г. в Китай для участия в церемонии пуска в эксплуатацию Аньшаньского металлургического комбината после его расширения прибыл зам. председателя Совета министров СССР, министр металлургической промышленности СССР Тевосян³⁴.

Когда Тевосян находился на Северо-Востоке, Гао Ган лично его сопровождал. Гао воспользовавшись тем, что должен был устраивать приём для зарубежного гостя, стал сознательно выпячивать свою роль, завышать свой собственный статус. Кроме того Гао одновременно стал своевольно осуществлять незаконную деятельность, направленную против Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, а также других руководящих товарищей. Председатель Мао очень быстро понял всё это, а также сделал собственные выводы. В это время Председатель Мао отдыхал в Ханчжоу. Вскоре после того, как Тевосян прибыл в Москву, Председатель Мао пригласил его и Юдина в Ханчжоу для беседы, а также велел мне сопровождать их. 2 января 1954 г. мы из Пекина перелетели в Шанхай, а затем прибыли в Ханчжоу. В Ханчжоу я увидел начальника Шанхайского управления общественной безопасности Ван Фаня. В яньаньские времена он был начальником отдела управления безопасности. Я спросил: „Ты почему бросил Шанхай на произвол судьбы, приехал сюда?“ Он ответил: „Специально велели мне охранять Председателя Мао“.

На второй день Председатель Мао встретился с Тевосяном и Юдиным. После общей беседы и выяснения некоторых рядовых вопросов он нас ознакомил с некоторыми обстоятельствами ситуации и в стране.

Председатель Мао заявил: „В нашей партии, а, возможно, и в нашей стране назревает смута. Естественно, сегодня я говорю только о возможности, нужно ещё посмотреть, как будет ситуация развиваться в дальнейшем. Если выразить суть этой смуты одним словом, то она состоит в том, что хотят свергнуть меня. В нашей китайской истории был период, когда Цинь уничтожило шесть государств, (в том числе) Цинь уничтожило (государство) Чу. Цинь – это ихняя Шэньси (Мао указал рукой на меня), а Чу – это Хунань (Мао указал рукой на себя). Это – исторический факт, а как же пойдёт дело сейчас? Нужно будет ещё подождать и посмотреть“.

На самом деле, когда Председатель Мао говорил о Шэньси, то имел в виду Гао Гана, однако же он не сказал об этом определённо. Тевосян и Юдин не поняли высказывания Председателя Мао до конца. После того, как возвратились в место их размещения, они целый день просидели рядом друг с другом и шептались о чём-то, стремились к тому, чтобы это было очень секретно, чтобы я не услышал. Их отношение ко мне полностью изменилось, потому что они ошибочно подумали, будто это я собираюсь свергать Председателя Мао...» [22, с. 488–490]. Непосредственно после этого началась официальная критика Гао Гана, о чём Тевосяна и Юдина проинформировали Лю Шаоци и Чжоу Эньлай.

Если исходить из материалов, приведённых выше, то Мао Цзэдун знал о том, что Гао Ган снабжал советскую сторону закрытыми материалами по крайней мере со времён своей поездки в Москву в декабре 1949 – январе 1950 г. Похоже, Мао Цзэдуна всё это не слишком волновало, пока информация Гао Гана затрагивала только позиции Лю Шаоци, Бо Ибо и других деятелей, которые, и с точки зрения самого Мао, нуждались в критике. Всё моментально изменилось, как только Мао ощутил, что информация, которую Гао Ган сообщил Тевосяну, возможно, угрожает его собственным позициям.

Следует отметить, что даже после развёртывания официальной критики в адрес Гао Гана Мао Цзэдун отнюдь не считал его конченным человеком, пытался спустить дело на тормозах и обеспечить его перевод на руководящую работу на Северо-Востоке Китая. Его отношение к Гао Гану резко изменилось 17 февраля 1954 г., когда последний попытался покончить жизнь самоубийством. Мао считал самоубийц безвольными и бесполезными людьми. После этого случая он приказал более не напоминать ему о переводе Гао Гана на Северо-Восток и передал его в полное распоряжение политических противников, проводивших в отношении него расследование (см. [17, с. 85]).

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что Гао Ган передавал советским представителям закрытую информацию. Вместе с тем, вряд ли именно этот фактор привёл к репрессиям против него.

Ли Цзе сомневается в том, что Гао Ган, как пишет И.В. Ковалёв, мог «с трудом подбирая слова» разговаривать с ним по-русски [19, с. 26]. Должен признать, что в источниках я действительно не обнаружил упоминаний о том, что Гао Ган был способен объясняться по-русски.

Таким образом, в свете материалов и документов, появившихся на свет после публикации интервью И.В. Ковалёва, мы можем констатировать, что в целом оно является достаточно надёжным источником исторической информации и что факты не позволяют согласиться с теми публикациями, в которых на протяжении этих 20 лет предпринимались попытки опровергнуть основные тезисы из этого интервью.

Во вводной части этой публикации я попытался рассказать о том, что судьба привела меня к знакомству с И.В. Ковалёвым через длинную череду всевозможных совпадений и «развилок». Ключевую роль в этом процессе сыграл К.В. Шевелёв, без любезного содействия которого я никогда не познакомился бы с И.В. Ковалёвым. Я уверен, что он был бы искренне рад ознакомиться с подтверждением верности фактов, содержащихся в этом интервью.

Испытываю величайшую боль и горечь в связи с тем, что Константину Васильевичу не суждено прочесть эти строки. Этого замечательного человека убили какие-то подонки 25 июля 2003 г. в Москве. Тело его обнаружили на обочине Хорошёвского шоссе³⁵. Мне рассказывали, что Константин Васильевич стал невольным свидетелем какого-то тяжкого преступления. Бандиты, совершившие его, поставили условие – отказ от того, чтобы выступить в качестве свидетеля на суде в обмен на безопасность. Константин Васильевич отказался – и был зверски убит.

Хотел посвятить данную публикацию этому светлому человеку не только для того, чтобы почтить его память. Скромная история интервью доказывает, что истина рано или поздно открывается миру через цепочки непостижимых совпадений и «развилочек». Надеюсь на то, что таким же образом, невзирая на сроки давности и «эффективность» нашей правоохранительной системы, в конце концов всплывёт на свет истина об убийстве Константина Васильевича и убийцы его понесут заслуженное наказание.

Посёлок Пекинская Ривьера,
февраль–апрель 2013 г.

Примечания

¹ Полагаю, что роль А.Н. Косыгина в разрешении острейшего кризиса в советско-китайских отношениях остается недооцененной. Одну из немногих адекватных оценок см. в статье Алексея Чикина «Экономисты милостью божьей: Алексей Косыгин» [12].

² 22 сентября 1969 г., через 10 дней после переговоров глав правительств в Пекинском аэропорту, в Хабаровске состоялось совещание краевого и городского партийного актива в ходе которого выступавшие, естественно, прежде всего критиковали китайскую политику и выражали поддержку курсу КПСС. На фоне этих штампов заслуживает внимание высказывание, сделанное знающим человеком – тов. Боканем, который являлся начальником политического управления Краснознамённого Дальневосточного пограничного округа. Он, в частности, заявил: «...За период после встречи в Пекине не произошло существенных изменений **за исключением определённой степени сдержанности...**» Такая оценка со стороны профессионального пограничника дорогого стоит. Она знаменует наметившееся начало движения прочь от пропасти военного конфликта. Трудно согласиться с американским политологом Э. Вишник, обратившей внимание только на первую часть высказывания Боканя об отсутствии «существенных изменений» в обстановке на границе после Пекинских переговоров между Косыгиным и Чжоу Эньлаем [14, pp. 194, 196].

³ «...Встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекине состоялась и прошла успешно. Об этом поздно вечером в последнем информационном выпуске новостей сообщило наше телевидение, причём с показом видеосъёмки

событий. Когда же на следующий день я поздравил Алексея Николаевича с успешно прошедшей встречей с Премьером КНР, он помрачнел и ответил: „Вы вот приветствуете это, а сегодня ночью мне звонил Брежнев, и ничего кроме упрека за сообщение по телевидению и особенно за показ видеосъёмки я не получил. Хотя ни с кем из сотрудников телевидения я не разговаривал“» [9, с. 148].

⁴ Другим выдающимся дипломатическим успехом А.Н. Косыгина была организация переговоров между премьер-министром Индии Лал Бахадуром Шастри и президентом Пакистана Айюб Ханом в январе 1966 г. в Ташкенте, в результате которой удалось прекратить вооружённый конфликт между двумя государствами (см.: [1, с. 57–61]).

⁵ В беседе также принимали участие первый секретарь новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячев и академик А.А. Трофимук (см.: СО РАН с 1957 года, Фотолетопись // <http://www.soran1957.ru>). В газете «За науку в Сибири» краткая информация о рабочей поездке А.Н. Косыгина в Академгородок была напечатана 9 июля 1969 г. О беседе с А.П. Окладниковым там не упоминалось.

⁶ К счастью, до сих пор не прервались связи с некоторыми из однокурсников, которые остались учиться в Новосибирске. Я обязан усилиям моего друга С.А. Комиссарова (он учился в «китайской» группе, но не был послан в Ленинград), а также И.Я. Лавровой (Кузнецовой) появлением на свет сборника статей, на который постоянно буду здесь ссылаться.

⁷ Во время моего пребывания в Стэнфорде мы совместно с Хуа Ди и Джоном Льюисом опубликовали в местной газете статью об официальном визите Ли Пэна в Советский Союз (см.: Behind the Iron Curtain Another Thaw // San Jose Mercury News, May 3, 1990).

⁸ Та часть воспоминаний И.В. Ковалёва, которая посвящена Великой отечественной войне, опубликована в интернет-издании: *Куманёв Г.А.* Говорят сталинские наркомы [6].

⁹ Приводимая в интервью И.В. Ковалёва информация, касающаяся взаимоотношений между Мао Цзэдуном, Гао Ганом, Лю Шаоци и Сталиным, о некоторых деликатных моментах в советско-китайских отношениях была неудобной как для китайской официальной историографии, так и для советской. С точки зрения и советских и китайских официальных кругов И.В. Ковалёв «слишком много знал» и являлся фигурой не совсем ортодоксальной.

¹⁰ Официальная передача этих документов корейской стороне состоялась уже после моего отъезда в длительную командировку в российское посольство в Пекине. Я был поражён, когда узнал, что за все труды по рассекречиванию документов Е.В. Лишаковым был получен служебный выговор, инициированный Администрацией Президента. Причина состояла в том, что в Кремль документы передали в незстетичных «совковых» папках с завязками. Очень хотел бы посмотреть в физиономию того кремлёвского чинуши, который настроил об этом жалобу МИДовскому начальству.

В начале 1993 г. по согласованию с моим МИДовским руководством и по приглашению Одда Арне Вестада, прекрасного специалиста по истории советско-китайских отношений, являвшегося тогда директором Нобелевского института мира, я прочёл для узкого круга историков лекцию о событиях,

предшествовавших началу Корейской войны с использованием данных из архивных источников. При этом все специалисты, присутствовавшие на лекции, дали обязательство не ссылаться на услышанное ими ни в своих работах, ни в прессе. Это обязательство было выполнено. Весной 1993 г. по поручению руководства российского МИД, которое, в свою очередь, реагировало на многочисленные и весьма настойчивые просьбы южнокорейской стороны, мной была подготовлена весьма детальная хронология этих событий. Она была официально передана МИД Южной Кореи с условием не разглашать её содержание. Уже через несколько дней факты из этой хроники были на первых полосах основных южнокорейских газет. Я опубликовал этот материал в середине 2010-х гг. Переводы советских архивных документов по данной теме, переданных Южной и Северной Кореи, КНР и США, были к этому времени опубликованы на многих языках. См.: [3, с. 283–309].

¹¹ Это заключение Ли Хайвэнь является неоспоримым. Однако для меня остаётся загадкой, как мог Ши Чжэ перепутать даты отъезда – ведь с днём отъезда делегации во главе с Лю Шаоци в Китай в его воспоминаниях связана целая история: «...После завершения встречи (с Мао Цзэдуном) мы с Ковалёвым сели в машину и выехали из резиденции Чжуннаньхай. Собирались возвратиться в Сяншань и затем, ближе к вечеру, отправиться на Северо-Восток (и далее в Советский Союз. – С.Г.) Стоило только автомобилю выехать из ворот Чжуннаньхая, как он (т.е. Ковалёв. – С.Г.) сказал: „Вообще-то 1 июля не стоило бы выезжать в дальний путь“ (согласно российским простонародным поверьям все дни, на которые приходится первое число являются несчастливыми – это утверждение Ши Чжэ. – С.Г.) Не успел он договорить, как в месте поворота на Сиюэ машина столкнулась с молодым человеком на велосипеде, нанесла ему травмы поясницы и нижних конечностей, разбился велосипед, разбилось стекло автомобиля. Из-за дорожного происшествия пришлось остановиться. Из Чжуннаньхая прислали людей, которые отправили раненого молодого человека в больницу Пекинского университета для лечения. Мы задержались на несколько часов, только к вечеру возвратились в Сяншань, в результате только 2 июля смогли выехать на Северо-Восток на поезде...» [22, с. 393].

¹² Гун Юйчжи 龚育之 (1929–2007) – проректор Партшколы ЦК КПК, первый заместитель Кабинета по изучению истории партии ЦК КПК, считается одним из наиболее авторитетных специалистов по истории китайской революции и истории Компартии Китая.

¹³ Здесь допущена неточность – я приехал в эту командировку в июле 1993 г.

¹⁴ В штатном расписании российского посольства в Пекине нет должности советника по политическим вопросам. На самом деле, согласно утверждённому послом И.А. Рогачёвым распределению обязанностей, за мной были закреплены такие сферы, как экономическое, военно-техническое и научно-техническое сотрудничество.

¹⁵ Пи Шэнхао 皮声浩 сменил на этой должности уехавшего в Стэнфорд Хуа Ди. Пи Шэнхао был приятным и компанейским человеком с весьма твёрдыми политическими взглядами. Мне запомнилось, как он говорил, что если в Советском Союзе опубликуют подлинные исторические документы

по истории КНР, содержание которых может потенциально навредить интересам этой страны, то в Пекине всегда найдут способ доказать, что это – подделка, на которую не стоит обращать внимания.

¹⁶ На самом-то деле Андрей Иванович Денисов курировал тогда в посольстве вопросы двусторонних российско-китайских отношений и все вопросы, связанные с политической и экономической ситуацией в КНР.

¹⁷ Такая неприязнь проявлялась, в частности, в том, что Ши Чжэ в своих воспоминаниях с явным удовольствием приводит следующие весьма нелестные слова Сталина о Ковалёве: «...В период пребывания в Сяншани Мао Цзэдун распорядился передать Ковалёву переводы некоторых телеграмм и документов. Весьма возможно, что последний переправил их в Советский Союз. Однако же его совсем не интересовали такие вопросы. Сталин следующим образом оценивал его: „Ковалёв является инженерно-техническим специалистом-железнодорожником, в политике не разбирается и политического опыта не имеет, можно сказать в политике является полным непрофессионалом. При попытках внедриться в политические проблемы он напоминает крысу, залезшую в вентилятор“. Эти слова были сказаны Сталиным Мао Цзэдуну в январе 1950 г. Он хотел извиниться перед Мао Цзэдуну, попросить у него прощения, добиться взаимопонимания» [22, с. 393]. На истинной подоплёке этих оценок Сталина мы остановимся позднее. Далее в своей книге Ши Чжэ даёт ещё одну весьма нелестную оценку Ковалёву: «...Во время первой поездки председателя Мао в Советский Союз он попросил Сталина о том, чтобы Ковалёв вновь приехал на работу в Китай. Однако же Сталин был недоволен Ковалёвым, заявил, что он является техническим работником, не разбирается в политике, да и технические знания у него не всесторонние, согласился подобрать нам другого человека...» [22, с. 487]. В свою очередь И.В. Ковалёв не доверял Ши Чжэ. В интервью он отмечал: «...Сохранился у меня любопытный документ – 21 страница, плотно исписанная от руки. Когда на памятном заседании Политбюро 27 июля 1949 года Сталин разбирал письменный доклад Лю Шаоци, то Лю по-китайски, а я и Ши Чжэ по-русски записывали его замечания и советы. Потом мы решили проверить друг друга, сопоставили свои записи и выяснили, что слушали мы одно и то же, а записали по-разному. Здесь я буду использовать свою версию того, что в этом и других случаях говорил Сталин» [3, с. 294].

¹⁸ Перечень страниц данной книги, на которых приводятся ссылки на интервью И.В. Ковалёва, см. на с. 385.

¹⁹ За это время в судьбе Хуа Ди произошли драматические и даже трагические события. Работая в Стэнфорде, он оставался патриотом КНР, убеждённым членом китайской компартии. Он старался всегда оказывать содействие официальным китайским делегациям, которые приезжали в Стэнфорд и в Сан-Франциско. В самом конце 90-х гг. его официально пригласили сначала в Гонконг, а затем и в Пекин для подготовки предложений руководству страны по ряду важных политических вопросов. Впоследствии его предложения были расценены как слишком «диссидентско-радикальные», и он был посажен в тюрьму на 10 лет. В тюрьме Хуа Ди сочли слишком старым для занятий физическим трудом, и он получил возможность много времени проводить в библиотеке. Там он набрёл на сборник ранних математических

статей Эйнштейна, в которых вскрыл некоторые математические ошибки. Его статьи с исправлениями таких ошибок вызвали серьёзный резонанс среди специалистов. Хуа Ди связался со мной примерно через год после своего освобождения из тюрьмы.

²⁰ Это официальное издание основано на всей совокупности архивных документов ЦК КПК.

²¹ Недавно появившиеся источники не подтверждают информацию Ши Чжэ о том, что в день приезда (т.е. 26 июня 1949 г.) делегация Лю Шаоци была принята И.В. Сталиным на «ближней даче» в Кунцево [22, с. 397]. Такая встреча действительно имела место 10 июля 1949 г., но к этому времени со дня приезда делегации уже прошло две недели.

²² Полагаю, что в настоящее время Шэнь Чжихуа является самым крупным китайским специалистом по истории советско-китайских отношений. Его личный вклад в изучение этой темы может стать темой специального исследования.

²³ На это обратил внимание китайский исследователь Сюэ Сяньтянь: [21, с. 245, сноска 4].

²⁴ Ши Чжэ также отмечает, что «Ковалёв прибыл в Советский Союз сопровождая делегацию, поэтому присутствовал на совещании» [22, с. 404]. В регистрационных записях секретарей Сталина это заседание, возможно, не упоминается по той причине, что проводилось в зале заседаний Политбюро ВКП(б), а не в сталинском кабинете.

²⁵ И.В. Ковалёв указывает, что это также было «заседанием Политбюро ЦК ВКП(б)». (см.: [3, с. 289]). Ши Чжэ отмечает, что встреча происходила на даче в Кунцево [22, с. 410]. В любом случае становится понятным, почему эта встреча не была отмечена в регистрационных записях секретарей Сталина.

²⁶ В «Хронологической биографии Лю Шаоци» о встрече 5 августа не упоминается.

²⁷ Ши Чжэ пишет о том, что Сталин принял Лю Шаоци накануне отъезда последнего из Москвы [22, с. 418–419]. В других источниках упоминаний о такой встрече нет.

²⁸ Карский (Ши Чжэ) упоминается в протокольной записи переговоров 27 июня 1949 г., сделанной И.В. Ковалёвым.

²⁹ В части, касающейся Тайваня, содержание доклада в этих двух источниках совпадает полностью.

³⁰ В книге крупного государственного деятеля КНР Бо Ибо (отца печально известного главы Чунцина Бо Силая) говорится «27 (июля) Лю Шаоци, Гао (Ган) и Ван (Цзясян) обсудили военные планы со Сталиным, Булганиным и Василевским» [15, с. 38]. Это выглядит вполне логичным – ознакомившись 25–26 июля с предложениями по тайваньскому вопросу, содержащимися в телеграмме Мао Цзэдуна от 25 июля, Сталин пригласил принять участие в беседе 27 июля 1949 г. своего министра обороны и начальника Генштаба. В воспоминаниях Ши Чжэ [22, с. 410–415] нет ни слова о том, что 27 июля обсуждалась тайваньская проблема.

³¹ В воспоминаниях Ши Чжэ сообщается, что данная беседа открылась весьма многозначительным обменом мнениями относительно глобального значения победы китайской революции [22, с. 434–435]. В вышеприведённой

записи беседы, выполненной советником советского посольства в Пекине Н.Т. Федоренко, упоминание об этом отсутствует. Данная беседа открывается следующей фразой «После обмена приветствиями и разговора на общие темы состоялась беседа следующего содержания». Не исключено, что приводимая Ши Чжэ часть беседы была в советской записи опущена как относящаяся к «разговору на общие темы». Если это так, то заслуживают серьёзного внимания и изучения причины, побудившие тогда советскую сторону не фиксировать на бумаге чрезвычайно важные выводы Сталина о глобальном значении победы китайской революции и его обращённые к Мао Цзэду слова о том, что «победителей не судят».

³² Аналогичная информация содержится в воспоминаниях Н.С. Хрущёва и Бо Ибо, увидевших свет задолго до опубликования интервью И.В. Ковалёва (см. [3, с. 307–308]).

³³ Юдин П.Ф. (1899–1968), академик – философ, участвовал в редактировании собрания сочинений Мао Цзэдуна, советский посол в КНР с 1953 по 1959 г.

³⁴ Тевосян И.Ф. (1902–1958) – в 1953–1956 гг. – зам. председателя Совета министров СССР, в 1956–1958 гг. – посол СССР в Японии.

³⁵ См. некролог, опубликованный другом и коллегой Константином Васильевичем А.В. Панцовым в «Независимой газете» 8 августа 2003 года.

Литература

На русском языке

1. *Воронин А.* На ниве внешней политики // Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: «Республика», 1997. С. 57–61.
2. *Гончаров С.Н.* Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным (интервью с личным представителем И.В. Сталина в Китае И.В. Ковалёвым) // Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 6.
3. *Гончаров С.Н.* О Китае средневековом и современном. Записки разных лет / Под общей ред. акад. А.А. Кокошина, с вступительной статьей акад. В.С. Мясникова. Новосибирск: «Наука», 2006. С. 283–309.
4. *Гончаров С.Н.* От союза через враждебность – к добрососедству: 40 лет советско-китайских отношений // Литературная газета, 4 октября 1989 г.
5. Запись беседы товарища Сталина И.В. с Председателем Центрального Народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном 16 декабря 1949 года // Чжунсу гуаньси: Эго даньань юаньцзянь хуэйбянь 中苏关系: 俄国档案原件汇编 (第七卷) (Китайско-советские отношения: собрание оригинальных документов из российских архивов. Том 7. С 20 октября 1949 года по 26 января 1950 г.) Шэнь Чжихуа, Ли Даньхуй цунь. 沈志华, 李丹慧存 ([Документы,] сохранённые Шэнь Чжихуа и Ли Даньхуэем). Хуадун шифань дасюэ гоцзи лэнчжань ши яньцзю чжунсинь цунь 华东师范大学国际冷战史研究中心存 (Сохранены в Международном центре по изучению истории холодной войны Восточно-китайского педагогического университета). Шанхай, б/г.
6. *Куманёв Г.А.* Говорят сталинские наркомы // Военная литература (Военная история) – http://militera.lib.ru/h/kymanev_ga2/11.html.

7. *Ледовский А.М.* Дело Гао Гана – Жао Шуши. М.: Институт Дальнего Востока, 1990.

8. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. М.: «Памятники исторической мысли», 1999.

9. *Смиртюков М.* Штрихи к портрету // Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: «Республика», 1997. С. 141–151.

10. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева. М.: «Терра», 1991.

11. Хронология основных событий кануна и начального периода Корейской войны (январь 1949 – октябрь 1950 гг.) // *С.Н. Гончаров.* Указ. соч., с. 283–309.

12. *Чикин А.* Экономисты милостью божьей: Алексей Косыгин // «Файл – РФ ежедневная электронная газета» (www/file-rf.ru), 19 мая 2012 г.

На западных языках

13. *Goncharov Sergey N., Lewis John W., Xue Litai.* Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. Stanford University Press, Stanford, California, 1993.

14. *Wishnick Elizabeth.* In the Region and in the Center: Soviet Reactions to Border Rift // Cold War International History Project Bulletin, #6–7, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington D.C. Winter 1995–1996.

На китайском языке

15. *Бо Ибо* 薄一波. Жогань чжунда цзюэцэ юй шицзяньдэ хуйгу 若干重大决策与事件的回顾 (Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях). Пекин, Жэньминь чубаньшэ 人民出版社 (Народное издательство), 1997. Т. 1.

16. Ван Дунсин жицзи 汪东兴日记 (Дневник Ван Дунсина). Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ 当代中国出版社 (Издательство «Современный Китай»), 2010.

17. *Ли Вэйминь* 李维民. Дуй Кэваляофу баогао юй фантань лу дэ бутун пинцзя 对柯瓦廖夫报告与访谈录的不同评价 (Альтернативная оценка доклада И.В. Ковалёва и интервью с ним) // 炎黄春秋 (Янь-Хуан чунь-цю), 2013. № 1.

18. *Ли Хайвэнь* 李海文. Мао Цзэдун, Лю Шаоци фансу цзи чжунсу лян дан гуаньси чжун дэ исюэ вэньти – ши чжэ фантан лу 毛泽东, 刘少奇访苏及中苏两党关系中的一些问题 – 师哲访谈录 (Визиты в СССР Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, а также некоторые вопросы взаимоотношений между компартиями Китая и Советского Союза) // Жэньюй 人物 (Личности), 1993. № 2.

19. *Ли Цзе* 李洁. Кэваляофу хэ Хань Суинь бяньцзаодэ гуши 柯瓦廖夫和韩素音编造德故事 (Истории, которые сфальсифицировали Ковалёв и Хань Суинь) // Янь-Хуан чунь-цю 炎黄春秋, 2012. № 7.

20. Мао Цзэдун сыян ваньсуй 毛泽东思想万岁 (Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна). Токио, 1974 (Факсимильная копия китайского издания 1969 г.).

21. *Сюэ Сяньтянь* 薛衔天, *Цзинь Дунцзи* 金东吉. Миньго шичао Чжун-Су гуаньси ши 民国时期中苏关系史 (История китайско-советских отношений в республиканский период) (1917–1949). Пекин: Гунчандан ши чубаньшэ 中共党史出版社 (Издательство истории партии), 2009. Т. 3.

22. Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь – Ши Чжэ хуйилу (суйдин бэнь) 在历史巨人身边 — 师哲回忆录 (修订本) (Рядом с великанами истории – воспоминания Ши Чжэ. Отредактированное издание) Ши Чжэ хуйилу / Ли Хайвэнь чжэнли 师哲回忆录 / 李海文整理 (Воспоминания Ши Чжэ / Ред. Ли Хайвэнь). Пекин: Чжунъян вэньсюань чубаньшэ 中央文献出版社 (Издательство документации ЦК КПК), 1991. 614 с.

23. Цзяньго илай Лю Шаоци вэньгао, 07.1949–03.1950 建国以来刘少奇文稿, 一九四九年七月 — 一九五零年三月 (Собрание документов Лю Шаоци начиная с основания государства, 07.1949–03.1950). Пекин: Чжунъян вэньсюань чубаньшэ 中央文献出版社 (Издательство документации ЦК КПК), 1998. Т. 1.

24. Цзяньго илай Мао Цзэдун вэньгао 建国以来毛泽东文稿 (Собрание документов Мао Цзэдуна со времён основания государства). Ди и цэ 第一册 (т. 1). Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1987.

25. *Чжэан Айтин*, гл. ред. 张爱萍主編. Дандай Чжунго Жэньминь цзефанцзюнь 当代中国人民解放军 (Народно-освободительная армия Китая в современную эпоху). Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ 当代中国出版社 (Издательство «Китай в современную эпоху»), 1994. Т. 1.

26. *Чжэан Вэньму* 张文木. «Гао Ган вэньти» дэ жогань каочжэнь цзи цита “高岗问题” 的若干考证及其他 («Некоторые разыскания по «проблеме Гао Гана» и прочее») // Сянган чуаньчжэнь 香港传真 («Правдивая информация из Гонконга»). 2010, № 8.

27. Чжисин цзун чжубянь Шэнь Чжихуа 执行总主编沈志华 (Исполнительный главный редактор Шэнь Чжихуа). Сулянь лиши даньянь сюаньбянь 苏联历史档案选编 (Избранные архивные документы по истории СССР). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社 (Издательство документации по общественным наукам), 2000. Т. 20.

28. Чжунгун чжунъян вэньсянь чубаньшэ бянь, Чэнь Шаошоу, Лю Чунвэнь чжубянь 中共中央文献出版社编, 陈绍寿, 刘崇文主编 (Составлено Кабинетом по изучению документации ЦК КПК / Главные редакторы Чэнь Шаошоу и Лю Чунвэнь), Лю Шаоци няньпу 刘少奇年谱 (1898–1969) (Хронологическая биография Лю Шаоци). Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ 中央文献出版社 (Издательство документации ЦК КПК), 1996. Т. 2.

29. Чжунсу гуаньси: Эго даньянь юаньцзянь хуйбянь 中苏关系: 俄国档案原件汇编 (第六卷) (Китайско-советские отношения: собрание оригинальных документов из российских архивов. Том 6. С 05 февраля 1948 года по 16 октября 1949 г.). Шанхай, б/г.